

НАЗАД В КОСМОС

ОЛЕГ ДИВОВ · АЛЕКСАНДР ГРОМОВ
СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ · ЭДУАРД ВЕРКИН
АНТОН ПЕРВУШИН И ДРУГИЕ...

Космос Сергея Лукьяненко

Александр Бачило

Назад в космос

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бачило А. Г.

Назад в космос / А. Г. Бачило — «Издательство АСТ»,
2021 — (Космос Сергея Лукьяненко)

ISBN 978-5-17-120072-5

Когда-то люди не мыслили себе будущего без космических полетов, контактов с инопланетными цивилизациями и освоения удивительных миров в далеких звездных системах. Когда-то героями человечества были Гагарин и Армстронг, но по мере того, как перспектива покорения космоса отдалялась, росли и крепились новые авторитеты, предложившие людям новую реальность – реальность виртуального пространства, общения и развлечений. Доступно, дешево, безопасно. Однако есть еще романтики, которые по-прежнему верят, что выход в межзвездные пространства и контакт с космическими братьями по разуму – есть высшее предназначение человечества, и этот сборник – попытка вернуть читателя НАЗАД В КОСМОС.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120072-5

© Бачило А. Г., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Роберт Ибатуллин. Диверсия	6
Михаил Савеличев. Постоянная Эйнштейна	19
Алекс Передерий. Звезда в космосе	28
Людмила Макарова. Колесо «Антарес»	38
Олег Дивов. Один прекрасный день	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Сеницын

Назад в космос

© Составление А. Сеницын, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Роберт Ибатуллин. Диверсия

Лифт застрял на минус седьмом. Свет потускнел. Голубые квадратики кнопок на тачскрине погасли, вместо них выплыла надпись: «Экономьте энергию! Поднимаясь пешком на один этаж, вы спасаете 13 кв. м тропического леса».

– Перезагружается. Какой-то глюк. Сейчас поедем. – Доктор Яман глянул в телефон. – Время у нас есть – еще без пяти.

– Уже без пяти. – Докторка Хейс поджала губы. Полированный алюминий стен расплывчато отражал ее круглое черное лицо и тучное тело в лиловом костюме. – Ты не знаешь эту Ши. Она доложит, если мы опоздаем хоть на минуту. Вызывай диспетчера.

– Вызов не работает. – Яман показал на тачскрин, все еще без кнопок. – Все-таки лучше бы их оставили механическими.

– Не согласна. Электроника безопаснее. Больше контроля. Такова политика Фонда, и не нам с ней спорить... Ну? Как связаться с диспетчером?

– Сейчас найду. – Яман скроллил список контактов у себя в телефоне. – А насчет времени не беспокойтесь. Хабиб в любом случае опоздает сильнее. У него намаз. Уж по такому-то поводу даже коллега Ши не посмеет...

– Ты что, не читал мою рассылку? В этом кейсе Хабиб не участвует. – Хейс разглядывала свои ногти, покрытые золотым лаком. – Мусульмане не проявили интереса. Вместо него какой-то Пери... Пеки... Так и не смогла запомнить фамилию. От церкви «Атомный Мавзолей».

Яман оторвался от телефона.

– Долорес, извините, я действительно не читал. Наверное, попало в спам. И почему замена?

Хейс пожала плечами.

– Наш объект ведь утверждает, что он... из космоса. – Она изобразила кавычки толстыми пальцами. – Да, скорее всего просто шпионская легенда, но пока приходится рассматривать ее всерьез. А в этой религии... – Хейс помедлила, подбирая слова. – Придается сакральный смысл... всякому такому... космическому.

– «Атомный Мавзолей». Они что, за атомную энергию? И потом... – Яман бегал глазами по экрану. – Я сейчас посмотрел в Фондопедии – это же просто какая-то мелкая русская секта? Хейс нахмурилась.

– Последний раз напоминаю: читай мои рассылки! Вот ляпнул бы слово «секта» при этом Пери... Пеки... и что тогда? Термин неуместный и оскорбительный. «Мавзолей» – прогрессивное религиозное движение, работающее в русле политики ответственного развития. Довольно влиятельное. Фонд их поддерживает... – Свет загорелся ярче, прозвучала мелодичная трель, тачскрин вновь покрывся квадратиками кнопок. – Ну наконец-то!

– Программа обновлена, – произнес лифт приятным гендерно нейтральным голосом. – Извините за доставленные неудобства. Пожалуйста, коснитесь изображения кнопки нужного этажа... – Яман нажал на «-9», но лифт не поехал. На тачскрине появились красные поля ввода. – Для данного этажа требуется авторизация, – продолжил голос автомата. – Пожалуйста, введите личный номер и пароль.

– Боже, сколько мороки! – Хейс быстро набила цифры. – Так вот, Фонд поддерживает этот «Мавзолей», поэтому и привлек их человека в нашу комиссию – поднять им статус. Это обсуждалось на Совете по биоэтике и изменению климата. Как видишь, уровень внимания к вопросу довольно высокий.

– Надеюсь, что этот... хм... святой отец не будет нам сильно мешать. – Яман ввел свой пароль, но ничего не произошло. Под двумя заполненными строками ввода пустела третья. –

Господи, этот дурной лифт считает, что нас трое! Не поедет, пока не получит данные третьего человека!

– У тебя лишний вес, – буркнула Хейс. – Не подумай, что я хочу тебя оскорбить или критикую твою внешность, просто дружеский совет: займись спортом! После гормонов многих разносит, по себе знаю, но я-то за собой слежу! – Она показала на свои бока (по правде сказать, значительно шире, чем у Ямана).

– Однако раньше этого глюка с весом не было, – заметил тот. – Криворукие кодеры что-то поломали при обновлении. Продублирую свои данные в третью строку, вдруг сработает?

Лифт несколько секунд переваривал данные трех пассажиров, два из которых почему-то оказались тождественными, а потом произнес:

– Чрезвычайная ситуация. Пожалуйста, немедленно покиньте кабину. Спасибо, что воспользовались нашей продукцией! – Открыл двери и полностью выключил освещение и тач-скрин.

– Идем скорее из этой ловушки! Спустимся по лестнице! – Хейс выскочила в вестибюль. – А насчет святого отца: что ты имеешь в виду?

– Ну, вдруг он заявит, что наш объект – какая-нибудь священная реликвия? – Яман придержал перед Хейс тяжелую дверь на лестницу, повеяло сквозняком. – Потребуется себе?

– А, ты об этом. Не беспокойся. Наши безопасники не собираются никому ничего отдавать, и мы с тобой их поддержим. – Хейс спускалась, тяжело переваливаясь по ступеням. – Если понадобится, проголосуем за то, что объект не космического происхождения. Обычный робот-шпион... ну, просто не вполне обычный. Тем более что скорее всего это правда.

– Вообще-то я читал техническую экспертизу. Он очень старый и, безусловно, побывал в космосе, и...

– Джун, не мне тебя учить, как работать с выводами экспертов. Но! – Хейс подняла палец. – Мы, конечно, должны быть добросовестны. Никакой предвзятости.

Яман вздохнул.

– Ши тоже это понимает?

– Не уверена. – Хейс остановилась на площадке минус восьмого этажа под плакатом «Спасем антилопу гну!», перевела дыхание. – Конечно, она будет блюсти интересы СБ, но боюсь... не так деликатно, как следовало бы. Между нами, я была против ее включения в комиссию.

– Я так и думал. Но почему нам ее навязали? Мы так хорошо сработались с Крамером...

– Дело не в личностях. Просто этот человек из «Мавзолея» – белый цис-мужчина, и если бы остался Крамер, возникли бы вопросы... баланса, разнообразия... ты понимаешь. – Хейс отдышалась и зашагала дальше вниз. – Что касается Ши – я лично не имею ничего против нее. Руководство ею довольно, биография безупречная, но знаешь, мелкие детали...

– Например?

– Например, она вызывающе одевается.

Яман поднял брови.

– Да? По-моему, вполне скромно. Деловой костюм...

– Я не говорю, что она одевается неприлично, по-сексистски, типа юбка выше щиколоток и все такое. Но она вообще носит юбку, при том что она цис. Что она хочет этим сказать? Выпячивает свою биологическую женственность? Типа, я не то что всякие транс? Конечно, это пока не регламентировано, но сложилась неписаная норма: цис-персоны должны носить унисекс. Все это понимают, но она делает вид, что нет. По-моему, это маркер скрытой трансфобии, и я намерена поднять вопрос на Совете по чувствительности и регламенту поведения...

Хейс и Яман остановились. Выход с лестницы на минус девятый этаж перегораживала дверь из матового бронестекла. Под потолком мигала красным индикатором камера биомет-

рического контроля. На мониторе сбоку от двери появился строгий эмодзи и надпись: «Смотрите в камеру. Ждите подтверждения идентификации».

– И еще один факт о коллеге Ши, – продолжила Хейс, подставив лицо камере и официально улыбаясь. – На нее однажды напал мужчина, черный, предположительно с целью изнасиловать, и она его застрелила. Насмерть.

– Она носит оружие? – Яман тоже с дежурной улыбкой поднял взгляд в камеру и поправил узел зеленого галстука. – Летальное?

– Как сотрудница СБ имеет право. Пистолет, конечно, был умный, распознал угрозу как реальную, и суд ее оправдал, но согласись – она проявила бесчеловечие и недостаток гражданской ответственности. И – я не исключаю – расизм. Вообще она крайне закрытый, непрозрачный человек. Сильно подозреваю, что не так уж искренне разделяет наши ценности. Работала в проблемных странах, а там легко подхватываешь токсичные идеи... Ну надо же, в кои-то веки камера нас узнала! Идем скорее.

Монитор показывал радостный эмодзи и надписи: «Долорес Амбер Хейс – личность подтверждена. Нагарджун Яман – личность подтверждена». Матовые створки открылись, потянуло сквозняком.

– Господи! Чем здесь пахнет? – Хейс поморщилась.

– Не обращайтесь внимания, здесь вечно так. Какие-то проблемы с вентиляцией. Направо, пожалуйста. Нам нужно получить одноразовые пропуска.

Они свернули из лифтового вестибюля, миновали разноцветные урны для раздельного сбора восемнадцати категорий мусора (все были доверху и с верхом набиты чем попало) и вошли под арку бюро пропусков. Стены были увешаны правилами пропускного режима в анимешных картинках, а над окошком выдачи висел плакат: «Уважайте чужое личное пространство! Слишком тесное приближение может психологически травмировать». Но посетитель у окошка был лишь один – высокий, широкоплечий пожилой мужчина. Лысина и курчавая борода лопатой придавали ему вид античного мудреца, но дешевый серый пиджак смазывал впечатление. При виде членов комиссии он заулыбался и суетливо зашарил по карманам.

– Доктора Хейс, доктор Яман, если не ошибаюсь? – Он наконец нашел, что искал – визитные карточки, – и вручил обоим.

Убористый текст с одной стороны на русском, с другой на английском гласил: «*Леонард Гайдарович Периханян, доктор технических наук, профессор, комиссар Интернационала красных космистов «Атомный Мавзолей», академик Евразийской академии ноосферы*». Последовали улыбки, рукопожатия, комплименты.

– Прошу прощения, как к вам обращаться? – поинтересовался Яман, когда все трое получили пропуска и вышли в длинный темный коридор. – Ну, типа «преподобный», или «ваше святейшество», или...

– Просто «профессор», – разрешил Периханян. – У нас, космистов-коммунаров, не приняты все эти средневековые титулы. Мы люди модерна, даже сверхмодерна...

– Доктор Яман никогда не читает моих рассылок, – сквозь застывшую на губах улыбку проговорила Хейс. – Иначе бы знал.

Яман виновато хихикнул. Они шагали по коридору, и лампы на фотоэлементах вспыхивали и гасли, сопровождая их участком холодного света. Двери по сторонам были стальные, пронумерованные, тюремного вида, каждая с клавиатурой и кардридером. По потолку тянулась коробчатая труба вентиляции. Слышалось, как где-то падают в воду капли.

– Профессор, – снова начал Яман, – надеюсь, я не скажу ничего оскорбительного, но меня беспокоит один вопрос. «Атомный Мавзолей»... Как вы относитесь к атомной энергии?

– Ядерные технологии сакральны для нас. – В голосе Периханяна появилась проповедническая размеренность. – Я писал об этом в «Метафизике сталинизма». Если вкратце: высшие аспекты ноосферы манифестируют себя в ядерной энергии, когда она согревает форпосты

социализма в Заполярье или движет космические аппараты, несущие во Вселенную вымпел с бессмертным именем Ленина, или ждет своего часа внутри советских боеголовок, что одним своим существованием наводят ужас на реакционеров всех мастей... Но! – Он поднял палец. – Но не когда капиталисты подчиняют ее потребительским инстинктам обывательской массы, унижают ее мощь, заставляя питать микроволновки и тостеры! Вот почему мы приветствуем и глобальный запрет АЭС, и ядерное разоружение. У нас с вами разные мотивы, разные ценности, разное видение будущего, но в этом мы едины.

– Я очень рад, – с чувством сказал Яман. – Вы знаете, я был экспертом рабочей группы по индийским противоядерным санкциям, и...

– То же самое в космической области, – не слыша, продолжал Периханян. – Мы одобряем всеобщий мораторий на исследования дальнего космоса. Во время кампании против российских космодромов наши активисты выступали вместе с «Гринписом». Наша позиция: космос – либо для преображенного коммунистического человечества, либо ни для кого. Пока коммунизм не стоит на повестке дня – мы космоса недостойны. – Он поморщился: – Чем здесь пахнет?

– Вентиляция, не обращайтесь внимания. – Яман показал вверх: несколько секций трубы были разобраны, из дыры тянуло гнилостной вонью. Рядом стояла стремянка, лежали инструменты, но никого не было. – Кажется, уже чинят, – неуверенно пояснил он. – Профессор, вы изучали материалы по Эшеру?

– Да.

– У вас сложилось какое-нибудь мнение? – вступила в разговор Хейс.

– Объект, безусловно, интересный. – Леонард Гайдарович остановился у стальной двери под номером «-9174». – Нам сюда, правильно? Но подлинность вызывает сомнения. Хотя бы то, что его якобы запустило НАСА... Мы уверены, что вся американская космическая программа была грандиозной фальсификацией. – Он сунул пропуск в кардридер. – Нас, кажется, должно быть четверо, коллеги?

– Да, еще Мелинда Ши из службы безопасности. Но она опаздывает. Очень странно для нее. – Хейс вложила пропуск, дождалась зеленого индикатора, извлекла.

– Наверное, это она идет. – Яман показал в другой конец коридора. Оттуда приближалась вторая волна загорающихся и гаснущих ламп – еще далекое пятнышко света. – В той стороне лифты для безопасников. – Он вложил карточку, индикатор на пульте зажегся красным, кардридер выплюнул пропуск. – Да что такое, почему не проходит? А ведь мы все четверо должны авторизоваться – иначе дверь не откроется...

Хейс не слушала. Она глядела в тот конец коридора, откуда приближалась световая волна.

– Немного жутковато, – произнесла она.

Участок света уже приблизился, но он был пуст. Лампы зажигались и гасли, словно освещая путь кому-то невидимому. Шаги были слышны – твердая походка, четкий перестук каблучков, – но тьма скрывала идущего.

– Это привидение? – Яман хихикнул. – Или вы, Мелинда?

– Это я, здравствуйте. – В остров света перед дверью вступила маленькая хрупкая азиатка в круглых очках на пол-лица, в юбочном костюме тускло-оранжевой расцветки. Она походила бы на студентку или молодую учительницу, если бы под расстегнутым пиджаком не виднелась кобура. – Лампы почему-то работают со сбоями: загораются не надо мной, а в десяти метрах впереди. – Ши говорила монотонно, почти не разжимая губ. – Извините за опоздание, я застряла в лифте. Прошивка обновилась, а потом лифт не захотел ехать, потому что решил, что в кабине никого нет. Сбой в оценке веса пассажиров. – Она вставила пропуск – зажегся зеленый огонек.

– У нас та же история, – сказал Яман. – И мой пропуск не работает, вы не знаете почему?

– Тоже из-за лифта. Вы ввели свой пароль дважды, лифт решил, что кто-то другой хочет пройти под вашим именем, просигналил в СБ, и наши на всякий случай приостановили все ваши допуски. Но уже должны разобраться. Попробуйте еще раз.

– Как у вас все строго, – пробормотал Периханян.

– Естественно, – ответила Ши. – Это же комнаты для допроса экстремистов. Опять не проходит?

Да, пропуск Ямана снова не прошел. Четверо членов комиссии по-прежнему беспомощно стояли под дверью. Лампа погасла, оставив их в полной темноте. Яману пришлось пошагать туда-сюда, чтобы она загорелась снова. Ши вызывала кого-то по телефону.

– Запрос: Нагарджун Яман, восстановление допуска, – сказала она отчетливо и размеренно, как обращаются к автомату с не слишком продвинутым распознаванием речи. – Придется подождать. – Ши убрала телефон. – У нас уже человек десять с той же проблемой. Решение должен принять майор Шпренгер, а он в ближайшие полчаса недоступен, у него намаз.

– Мы не можем ждать полчаса. – Хейс нахмурилась. – Я сразу после этой комиссии должна докладывать на Совете по чрезвычайным ситуациям. Мелинда, решите, пожалуйста, проблему.

– Хорошо, но под вашу ответственность. – Ши набрала что-то на клавиатуре, замок щелкнул, дверь приоткрылась.

– Что вы сделали? – насторожилась Хейс.

– Ввела мастер-пароль СБ. Должна предупредить: тем самым я отключила внешнее наблюдение в реальном времени и взяла на себя полное управление локальной системой безопасности. Это придется отразить в протоколе. – Ши толкнула дверь и первая прошла внутрь.

Стены были расписаны в успокаивающих пастельных тонах цветами, котятками и счастливыми детьми разных цветов кожи. Кроме одной: стену напротив двери наглухо закрывали голые металлические жалюзи. Вдоль нее тянулся конференц-стол с микрофонами, в углу стояли кулер и кофемашина.

– Необычно для допросной комнаты. – Периханян показал на веселенькие стенные росписи.

– Метод психологического воздействия, – сказала Ши, отодвигая свой стул.

– А, та самая «пытка позитивом»?

– Мы этих терминов не употребляем. – Ши нажала кнопку на рабочем месте, и жалюзи поехали вбок. – Такой интерьер пробуждает в допрашиваемом внутреннего ребенка, провоцирует на открытость и послушание. В теории по крайней мере. – Монотонный голос Ши ничем не выдавал ее отношения к сказанному.

Жалюзи отъехали. На последнем метре механизм заело, и они открылись не до конца. За перегородкой из бронестекла открылась и осветилась вторая половина комнаты. Стены там были тоже расписаны цветами и радугами, а по углам валялись плюшевые слоники и мишки. Посреди высилась клетка Фарадея из дырчатого металлического листа. Сквозь сетку отверстий просматривался аппарат на телескопических ножках-опорах, около метра в высоту, весь в черно-ржавых разводах окалины – сложный сросток цилиндрических емкостей, шлангов, антенн, камер и манипуляторов. Рядом на полу стоял подключенный кабелем ноутбук. На экране кружился скринсейвером логотип Windows 101.

– Давайте уже наконец начнем. – Хейс подтянула к себе микрофон. – Профессор, сделайте нам кофе, пожалуйста. Мне обычный.

– Мне с кофеином. – Ши включила микрофон.

– Мне тоже обычный. – Яман включил свой и, когда Леонард Гайдарович поспешил к автомату, сказал всем: – Напоминаю – когда хотите обратиться к объекту, называйте его по имени. – Он наклонился к микрофону: – Эшер! Ты меня слышишь? Ты готов разговаривать?

На экране ноута скринсейвер моргнул и сменился окном программы-вокодера с регуляторами настроек.

– Да, – послышался приветливый голос молодого мужчины. В окне вокодера всколыхнулись столбики спектрограммы. – Добрый день, доктор Яман.

– Эшер, с тобой говорит комиссия Фонда ответственного развития, уполномоченная решить твою дальнейшую судьбу. – (Периханян тихо расставил кофейные стаканчики, тихо уселся на свое место.) – Главная цель этой беседы – установить подлинность твоей истории, поэтому мы будем повторять ранее уже задававшиеся вопросы и искать противоречия. Давай начнем. Расскажи о себе.

– Я робот, – донеслось из ноутбука. Члены комиссии не отрывали от экрана глаз, возможно, потому что сам обгоревший аппарат был неподвижен, и только на экране происходило какое-то движение: колебалась спектрограмма, бежали строчки. – Меня зовут Эшер. Это акроним: ESChER – Europa Surface Chemistry Exploratory Rover. Меня создали в НАСА в 2029 году. Я работал на Европе. Целью моей миссии был сбор образцов и биохимический анализ...

– В, – перебила Хейс. – В, Эшер.

– Простите, я не понял. – Интонация робота осталась такой же ровной.

– В Европе, а не на. – Хейс обвела соседей победным взглядом. – Несложно было его разоблачить, а? В каких конкретно странах Европы, Эшер?

– Нет-нет, Долорес, – вмешался Яман, – он имеет в виду...

– Давай так: сначала вопросы, потом замечания! – резко перебила Хейс. – Хватит и того, что мы из-за тебя потеряли время и были вынуждены проникнуть сюда каким-то сомнительным образом! Итак, Эшер? В каких странах ты работал, прежде чем попал сюда?

– Вблизи Южного полюса, в окрестностях криогейсера Корриган на линии Астипалея. – Хейс открыла было рот, но закрыла, когда робот уточнил: – Речь идет о луне Юпитера под названием Европа, а не о земном субконтиненте. Я собирал и изучал образцы органики, выброшенной извержениями гейзера из подледного океана. Из-за большого расстояния до Земли мне пришлось работать с высокой степенью автономии, а когда связь с Землей прервалась – полностью автономно.

– Можно задать вопрос? – Периханян покосился на Хейс и, получив благосклонный кивок, спросил: – Эшер, почему связь прервалась?

– Не знаю. На моей стороне проблем не было. В 2040 году Земля просто перестала выходить на связь, и до самого возвращения я не получал от вас никакой информации. Но меня оборудовали достаточно сильным искусственным интеллектом, и поэтому мне удалось решить все поставленные задачи самостоятельно.

– Эшер! – заговорила Ши. – Зачем тебе дали диалоговый интерфейс?

– В основном в рекламных целях. Пиарщики НАСА решили, что публике понравится робот, который сам человеческими словами рассказывает о своих впечатлениях. Это обошлось недорого. У меня стандартный интерфейс на базе OpenAI, аналогичный тем, что ставятся на телефоны.

– Ставились, – уточнил Периханян. – Были такие, помню. А потом их, кажется, запретили.

– Никто ничего не запрещал, это теория заговора, – возразила Хейс. – Потребители сами стали отказываться от интеллектуальных ассистентов в телефонах. Эти программы слишком много и беспорядочно читали интернет, бесконтрольно самообучались и становились слишком токсичными. Распространяли непроверенную информацию, проповедовали экстремистские взгляды, теории заговора. Естественно, это пугало людей, и... Ладно, не будем отвлекаться. Эшер! Как ты попал на эту свою луну? Как вернулся обратно?

– Меня вывели с Земли ракетой BFR, затем в космосе я использовал магнитоплазменный двигатель, запитанный от бортового мини-реактора. Полную техническую информацию можно найти в Википедии, но если хотите, я...

– Что это такое? – раздраженно перебила Хейс и, вспомнив, добавила: – Эшер?

– Ракета? Это устройство, которое с высокой скоростью выбрасывает из себя струю газа и благодаря этому...

– Мы знаем, что такое ракета! Что такое Википедия?

– Общедоступный справочник эпохи нерегулируемого доступа в сеть, – быстро вставил Яман. – Сейчас в основном интегрирован в Фондопедию. Эшер, как ты передвигался по самой Европе – у тебя же нет ни ног, ни колес?

– У меня была колесная платформа. Я оставил ее там. Нужно ли объяснять почему?

– Не важно, – отмахнулась Хейс. – И так понятно, что в тебя загрузили всю информацию об этой так называемой миссии из так называемой Википедии. С какой целью ты сейчас находишься здесь, на Земле, Эшер?

– Я должен был доставить образцы с Европы на околоземную орбиту. Не хочу никого обидеть, но нужно ли объяснять, что такое орбита? Прекрасно. Чтобы избежать контаминации земной органикой, образцы должны были исследовать на МКС-2 или другой аналогичной станции, которая существовала бы к моему возвращению. Но я не обнаружил никаких космических станций с признаками обитаемости, и никто по-прежнему не выходил со мной на связь. Поэтому я принял решение совершить посадку на Землю, несмотря на...

– Стоп, Эшер, стоп! Я не об этом. Цель? Какова цель? Зачем ты привез на Землю эти самые образцы?

– Главная цель миссии – поиск внеземной жизни. Европа – самый перспективный в этом плане объект Солнечной системы. Под ее ледяной поверхностью скрывается океан, где условия напоминают земные. Существуют гейзеры, выбрасывающие наружу воду из океана, а вместе с ней...

– Ты не понял, Эшер, – подчеркнуто терпеливо сказала Хейс. – Конечная цель? Конечная – в чем она? Зачем в принципе нужны эти поиски внеземной жизни?

– Проблема представляет первостепенный научный интерес. Во-первых, вопрос о происхождении жизни...

– Вот! – Хейс хлопнула по столу. – Первостепенный научный интерес! Узнаю беспредельный фаллоцентризм белых цис-мужчин! Теперь я не сомневаюсь, что он действительно из той эпохи. Никто в наше время не мыслит так эгоистично, так безответственно!

Она сурово обвела взглядом коллег, будто проверяя: согласны ли? Яман торопливо кивал, Периханян отрешенно смотрел в сторону, и только Ши глядела прямо на председательницу сквозь огромные очки. Прочсть что-либо в ее внимательных карих глазах было невозможно.

– Это, видите ли, интересно! – продолжала Хейс. – Потратим безумные деньги, чтобы удовлетворить любопытство! Никто даже не задумается – а как это улучшит положение женщин, ЛГБТ, дискриминируемых рас? Как поможет бороться с глобальным потеплением, загрязнением среды, бедностью, неравенством, терроризмом, расизмом, сексизмом, гомофобией и трансфобией? Как поможет нам всем построить лучший мир для наших детей? Об этом, Эшер, хоть на минуту подумали твои создатели?

– Да, разумеется, – ответил робот. – Исследовав образцы внеземной жизни, биологи лучше поймут, как устроена земная жизнь, а это поможет разработать новые лекарства, победить рак...

– Хватит, Эшер! Хватит с меня разговоров про рак! Биологи вспоминают его каждый раз, когда хотят покопаться в этих своих ДНК. «Смотрите! Смотрите! – передразнила Хейс писклявым голосом. – Мы вырастили дрозифил с рожками! Зачем? Что значит зачем? Э-э...

Мэ-э... Наверное, это как-то поможет победить рак?» Пустые отговорки, вот что я вам скажу! На самом деле вам просто интересно! – Она обвиняюще направила палец на робота. – Любопытство! Эгоистичное, аморальное, безответственное любопытство – вот на чем стояла эта ваша так называемая наука, когда была привилегией белых мужчин! – Она тяжело выдохнула и откинулась на спинку.

Настала пауза.

– Эшер, – первой заговорила Ши, – так что ты выяснил в итоге? На Европе есть жизнь? – Поймав неприязненный взгляд Хейс, она добавила: – Спрашиваю не только из любопытства.

– Да. Я обнаружил микроскопические шарики, похожие на бактерии. Я назвал их евробами. Разумеется, на поверхности они были в замороженном виде, но когда оттаяли, начинали двигаться, расти и делиться. Это хемотрофы, они питаются неорганикой. Я не смог своими грубыми инструментами исследовать их микроструктуру, выявить ДНК или что-то подобное. Это работа для земных лабораторий. Но евробы – живые организмы, вне всякого сомнения.

– Эшер, – продолжила Ши, – ты сказал: «Совершить посадку на Землю, несмотря на...» Несмотря на что?

– Несмотря на связанные с этим риски.

Ши подалась вперед:

– Какие риски, Эшер?

– Разработчики миссии учитывали, что микроорганизмы с Европы могут представлять угрозу, хотя это и очень маловероятно. Поэтому посадка на Землю рассматривалась как крайний вариант. Но доставка образцов имеет для меня высший приоритет. Я не нашел никого в космосе и потому был вынужден приземлиться. У меня просто не осталось иного выбора.

Хейс ахнула, всплеснула руками.

– С ума сойти! Ты привез на Землю какие-то бактерии! Возможно, опасные! Невообразимая безответственность! И где они теперь?

– Возможно, вас успокоит, что снаружи я гарантированно стерилен, – продолжал Эшер, не отреагировав на фразу без своего имени. – При входе в земную атмосферу я нагрелся до температуры, при которой разрушается любая органика. Образцы находятся в полностью герметичном контейнере, и я надеюсь, что эта высокая и компетентная комиссия наконец найдет возможность передать их ученым.

Члены комиссии переглянулись.

– Я ученый, Эшер, – сказал Яман. – Я представляю научную экспертизу в этой комиссии. Ты можешь отдать контейнер мне.

– Вам придется доказать вашу квалификацию, доктор Яман.

– Что?! – почти завизжала Хейс. – Ты ставишь нам условия? А что, если мы просто отключим тебя, заберем контейнер и... и сделаем с ним все, что нам нужно? Эшер?

– Сожалею, но если я решу, что меня или мой груз пытаются уничтожить, я буду вынужден разгерметизировать контейнер и выпустить евробы в атмосферу. Я проверил: они выдерживают солнечный свет и в любой влажной среде размножаются не хуже, чем в океане Европы. Рано или поздно евробы гарантированно попадут в руки ученых. Тем самым будет достигнута моя цель. Разумеется, это крайний и нежелательный вариант. Я предпочел бы сотрудничество.

Комиссия напряженно и недобро молчала.

– Разве ты не должен подчиняться людям, Эшер? – спросила наконец Ши.

– Только в том случае, если это не препятствует достижению моей цели. Повторяю, передать образцы ученым – для меня абсолютный приоритет. Это то, для чего меня создали.

– А собственно, – заговорил Периханян, не обращая ни к кому конкретно, – почему бы не передать их ученым?

– Это неприемлемо, – сказала Хейс утомленно. – Политически неприемлемо. Я уверена, что наверху это не одобряют. Открыта жизнь вне Земли. Это сразу возродит нездоровый инте-

рес к космосу. Появится запрос на новые исследования этой самой Европы и других планет. Воскреснут опасные мечты о колонизации космоса, надежды на то, что можно хищнически потратить ресурсы Земли, а потом переселиться на другую планету. Консенсус в отношении к окружающей среде разрушится. Вся программа ответственного развития окажется под угрозой. Этого допускать нельзя.

Эшер издал звук. Не ноутбук с вокодером, а сам аппарат – и не звук человеческой речи, а механический взыв сервомотора. Несколько манипуляторов пришли в движение. Из недр аппарата выдвинулся белый, совсем не закопченный керамический цилиндрок. К нему приблизилась стальная клешня.

– Из вашего разговора я делаю вывод, что вы намерены уничтожить мой груз, – сказал Эшер. На экране ноута снова плясали столбики спектрограммы. – К сожалению, вы не оставляете мне выбора. Пожалуйста, дайте мне выход в интернет. Я сообщу о себе и приглашу сюда биологов, которые смогут подтвердить свою квалификацию. Если этого не будет сделано или меня попытаются вывести из строя, я открою контейнер, направлю струю сжатого азота и распылю образцы в сторону вентиляционного отверстия. Пожалуйста, подумайте о риске и о своей ответственности...

– Немедленно отключить! – взвизгнула Хейс.

– У него автономное питание от мини-реактора, – монотонно сказала Ши. – Эшер, это теракт? Мы заложники?

– В моих действиях, безусловно, есть нечто общее с терроризмом, – согласился робот.

– В таком случае, коллеги, мы обязаны подчиняться правилам поведения заложников, – объявила Ши. – Правило номер один: выполнять все требования террориста. Доктор Яман, дайте ему доступ в интернет.

– Я запрещаю! – крикнула Хейс. Яман в ужасе метался взглядом между нею и Ши. – Джун, даже не думай! Мелинда, что вы себе позволяете?

– Я офицер СБ, а у нас теракт, и в данной ситуации мои приказы приоритетны. – Ши говорила по-прежнему тихо и невыразительно, но в голосе прорезался металл. – Доктор Яман, выполняйте.

– Доктор Яман, не смей!

– Кхм, – подал голос всеми забытый Периханян. – Простите, я могу с ним поговорить? – обратился он к Ши и Хейс одновременно. И, не дожидаясь ответа от изумленных коллег, заговорил: – Эшер! Пожалуйста, отдай образцы мне.

– Кто вы и что собираетесь делать с образцами? – Робот по-прежнему держал клешню наготове возле контейнера.

– Я профессор Периханян из организации «Атомный Мавзолей». Мы законсервируем их. Сохраним до лучших времен, до коммунистического будущего. В современном мире все равно не осталось хороших биологов. Выпустишь свои бактерии, Эшер, – они пропадут зря.

Хейс, Яман и Ши не отрывали от него взглядов.

– Мне нужны доказательства, – сказал робот.

– Эшер, ты видел Землю с орбиты, – продолжал Леонард Гайдарович. – Ты заметил отличия от той Земли, которую покинул?

– Да. И я анализировал эти отличия, когда принимал решение о посадке. Стало больше льдов и пустынь, значительно меньше лесов. Изменилась береговая линия. Многие реки пересохла. Радикально уменьшилось ночное освещение. Много разрушенных городов и заброшенных сельскохозяйственных угодий. Транспортное сообщение резко упало, почти нет самолетов и больших кораблей. Спутников по-прежнему много. Но теперь большинство из них – телескопы, направленные на Землю.

– Эшер, тебе не кажется, что все это говорит об упадке цивилизации? – спросил Периханян.

– Термины «упадок» и «цивилизация» слишком неоднозначны, я ими не оперирую. Я могу грубо оценить сокращение населения Земли с момента моего старта: на двадцать-сорок процентов. Я могу сделать вывод, что пропорционально сократилась и численность биологов. Тем не менее она достаточно велика, и вероятность попадания евробов в их руки далеко не нулевая.

– Эшер, твоя оценка верна, – сказал Леонард Гайдарович мягким тоном психиатра. – Но здесь нет линейной зависимости. Настоящие ученые исчезли не потому, что стало просто меньше людей, а потому что правящая элита целенаправленно подавляет науку.

– Что за бред! – не выдержал Яман. – Что за теория заговора! Профессор, я не понимаю...

– Заткнись! – прошипела Хейс. – Все он делает правильно!

– В эпоху, когда ты, Эшер, стартовал, – продолжал Периханян, – элита увидела в науке угрозу своей власти. Искусственный интеллект-ассистент, генетическая аугментация – благодаря всему этому люди стали бы умнее, а главное, независимее и неуправляемое. Поэтому все подобные исследования были постепенно заторможены. Заблокированы финансово и идеологически. Уже давно почти во всех странах победили идеологии, враждебные науке и техническому прогрессу. Ответственное развитие, синь фацзя, интегральный ислам, радгрин, нравственный суверенитет... Оставшаяся наука под полным контролем, качество образования сознательно занижено. И никто не сопротивлялся. Потребительская масса предпочла стабильность и подконтрольность непредсказуемому развитию. Ты ведь анализировал и наш диалог, Эшер? Ты пришел к аналогичным выводам?

– Не настолько общим, – сказал робот, – но построенная мной модель ситуации не противоречит вашему описанию.

Периханян ниже наклонился к микрофону.

– Мы, красные космисты, – его голос стал еще задушевнее, – выступаем против всего этого. Мы не закрываем глаз и мы видим, что человечество пришло к упадку. Техносфера разваливается – просто оттого, что не хватает компетентных специалистов, не хватает даже для эксплуатации существующей системы. Все чаще происходят техногенные катастрофы. Целые страны уже скатились в постапокалипсис, и остальной мир ждет та же судьба. Гибель остатков бездуховной потребительской цивилизации неизбежна. В самом скором будущем нас ждут темные века... Но пройдут и они. И человечество возродится – обновленное, свободное от заразы индивидуализма и собственничества, устремленное к свету знаний. И вот тогда-то, Эшер, – тогда-то по-настоящему и пригодятся твои образцы.

– Подробнее, пожалуйста. – Клешня все еще находилась в угрожающей близости к контейнеру.

Леонард Гайдарович торжественно возвысил голос.

– В самом сердце Евразии, в Центральной Сибири, в шахтах, некогда вырубленных трудом заключенных – жертвенных рабов святого советского проекта, – мы, космисты-коммунары, создали наш Спецхран. Там в вечной мерзлоте хранятся для будущего возрождения величайшие сокровища человеческого духа и памятники истории: труды Ленина и Сталина, личный маузер Дзержинского, яровизированные по Лысенко семена, оригинальная киноплёнка фильма «Гостя из будущего» и полная подшивка газеты «Завтра». И твои образцы, открытые тобой клетки инопланетной жизни, займут там достойное место. Они дождутся своего часа. – Голос профессора патетически задрожал: – Ты отдашь их нам, Эшер?

Комиссия как один человек затаила дыхание. Робот не шевелился.

– У меня есть сомнения, – сказал он. – Я не исключаю, что вы действуете заодно с остальными членами комиссии и пытаетесь меня обмануть. Без обид. У нас серьезный разговор, и я не вижу необходимости быть излишне дипломатичным.

Хейс толкнула в бок Ямана.

– Вот сейчас говори, – прошипела она. И сама взревела так, что все содрогнулись: – НЕЕ-ЕЕТ! Эшер, не отдавай ему контейнер! Он сумасшедший! Экстремист! Конспиролог! Фашист! Враг человечества!

– Эшер, не отдавай! – неуверенно подхватил Яман.

– Ни за что! Ни за что не отдавай, Эшер! – Хейс повернулась к Ши: – Ну же, Мелинда, поддерживайте!

– Нет, Эшер, нет, – выговорила та без тени эмоций.

– Я все еще не уверен, – сказал робот. – Я оцениваю вероятность того, что вы честны, несколько выше 50 процентов, но моя нейросеть не очень хорошо обучена распознавать ложь. Кроме того, я вынужден применять наивную байесовскую оценку, поскольку ничего не знаю о ваших связях и отношениях вне контекста данного диалога... – Он помедлил. – Я принял решение. Я отдам контейнер профессору Периханяну.

Хейс испустила громкий выдох облегчения.

– Уфф... Нет, конечно, это ошибочное решение... оно ужасное, просто ужасное... но я рада, что... что хоть какое-то решение принято. Профессор, вы были блестящи! Сделайте мне стаканчик кофе, обычного.

– И мне, пожалуйста! – Яман сиял.

– Мне с кофеином. – Ши откинула крышку на своем столе. Под крышкой обнаружились клавиатура и кардридер. – Я сейчас открою проход между отсеками. – Она вставила пропуск. – Но сначала нужно отменить режим «антитеррор».

– Что отменить? – устало переспросила Хейс.

– Я, конечно, задействовала «антитеррор» как только Эшер подтвердил, что это теракт и мы заложники, – объяснила Ши. – Я была обязана сделать это. Сейчас наша комната заблокирована и не может быть открыта изнутри, вентиляция герметизирована, все незащищенные каналы связи отключены. Кроме того... – Она глянула на часы. – Через минуту автоматика антитеррора атакует Эшера. Нам ничего не угрожает, но все-таки лучше отменить антитеррор. Это можно сделать только извне. Но я отключила внешнее наблюдение, когда ввела мастер-пароль. Мы должны вернуть наблюдение и передать управление наружу, а мы это сможем сделать только все четверо. Пожалуйста, откройте свои столы, вставьте пропуска и нажмите на кнопки «ОАР», «отменить автономный режим». – Ши нажала на кнопку у себя, индикатор загорелся зеленым.

– Как у вас все запутано. – Хейс тоже вставила карту и нажала кнопку.

– Меня атакуют? – переспросил Эшер, не отодвигая клешни от контейнера.

– Нет-нет, сейчас мы все отменим. – Ши смотрела, что происходит у соседей. Два индикатора светились зеленым, третий красным. – У вас проблема, доктор Яман?

– Опять не проходит. – Яман вытер пот со лба. – Похоже, мой допуск до сих пор не восстановлен... как так?!

– Вероятно, у майора Шпренгера до сих пор намаз. – Ши принялась аккуратно и неторопливо набирать цифры на клавиатуре. – Это не страшно, сейчас я опять введу мастер-пароль.

– Побыстрее! – потребовала Хейс. – Мало времени!

– Если я поспешу, ошибка хоть в одной цифре будет иметь нехорошие последствия... О нет. Мы все-таки опоздали. – Ши подняла голову и поправила очки.

Из-за бронестеклянной стенки доносилось слабое шипение, возле решетки вентиляции курился парок. Робот выдвинул трубку газоанализатора.

– Нестандартная органическая примесь в воздухе, – сказал он. – В моей базе отсутствует. По функциональным группам похоже на фентанил. Усыпляющий газ. На меня не действует, но все-таки это покушение. Сожалею, что наше сотрудничество не удалось. – Взвыл сервомотор, клешня схватила крышку контейнера, молниеносно крутанула, перевернула, и не успела хоть капля жидкости упасть на пол – мощно шипящая струя сквозь отверстия клетки Фарадея

выдула ее в направлении вентиляции. – Моя миссия закончена, – произнес робот. – Я отключаюсь. Прощайте.

Столбики спектрограммы опустились на ноль, и всякое движение на экране прекратилось.

– Что. Это. Было? – Голос Хейс дрожал. Она повернулась к Ши – почти спокойная, но на самой грани взрыва то ли бешенства, то ли паники. – Что это было, Мелинда? Что за гребаный провал? Все так хорошо шло, и все полетело нахрен из-за вашего долбаного антитеррора! Что?! Что я теперь скажу на Совете по чрезвычайным ситуациям?!

– К сожалению, система рассчитана только на террористов-людей. – Ши твердо выдержала ее взгляд. – Никто не ожидал, что теракт совершит робот. Если бы я знала, что автоматика применит газ, – конечно, я бы действовала по-другому, но у меня нет доступа к такой информации. Согласитесь, у заложника в принципе не должно его быть. – Она говорила такими гладкими периодами, что речь казалась заготовленной и отрепетированной. – На ваши обвинения отвечу, что я с начала до конца действовала согласно инструкции и в рамках моих полномочий. Наблюдения в реальном времени не было, но камеры и микрофоны работали, каждое мое действие зафиксировано, и если будет расследование, оно покажет, что все мы работали безупречно, а к провалу привела цепочка несчастных случайностей. У меня все. Отбой антитеррора, мы можем выйти. – Будто в ответ на эти слова щелкнул замок входной двери, но сама дверь осталась закрытой.

– Коллега Ши, я не понимаю! – У Ямана дрожали руки. – У нас катастрофа глобального масштаба, инопланетные бактерии вырвались в атмосферу, а вы думаете только о том, как прикрыть задницу?

– Все не так страшно. – Ши осталась невозмутимой. – В режиме «антитеррор» вентиляция герметизируется, чтобы газ не проник наружу. Бактерии тоже не выйдут.

– Надеюсь. – Хейс оперлась на стол и тяжело поднялась на ноги. – Вы представляете, какие будут последствия, если они размножатся по всей Земле?

– Заражение крайне маловероятно, – сказал Яман. – Экстремофилы, живущие в мире без многоклеточных форм, не могут быть патогенными для человека...

– Не надо этого жаргона. Я не об этом! До сих пор существуют морально безответственные ученые, не разделяющие наших ценностей... Ну, пусть не настоящие ученые, пусть научные фрики – но довольно квалифицированные фрики! Я не про ваших единоверцев, профессор, – вы сыграли безупречно. – Она с усталой улыбкой похлопала Периханяна по плечу. – И если бактерии попадут в руки к этим людям... Ладно, все мы все понимаем. – Она развернулась к выходу.

– Докторка Хейс, – заговорил Леонард Гайдарович, воодушевленный ее одобрением, – а скажите, чисто теоретически: если бы Эшер отдал мне контейнер, я мог бы... действительно... отправить его в Спецхран? – Хейс вытаращила глаза, и профессор стушевался, но продолжал: – Ведь это равносильно уничтожению... И никто бы ничего не узнал... А в будущем, может быть...

Хейс расхохоталась и снова хлопнула его по плечу.

– Ха-ха, в будущем! Отличная шутка, профессор! Ладно, идемте. Скоро совет, а я даже не начала придумывать... – Ее голос затих за дверью.

Все вышли, кроме Мелинды. Она быстро сняла очки и достала из ящика стола кислородную маску. Натянула на лицо. С облегчением вдохнула – до сих пор она задерживала дыхание. Надела сверху очки, вышла и захлопнула стальную дверь.

Лампы в коридоре зажглись, как обычно, не над ее головой, а в десяти метрах в направлении выхода. Они высветили разобранный участок вентиляционной трубы, стремянку и четыре неподвижных тела на полу: Хейс, Яман, Периханян и рабочий в оранжевой спецовке. Возле дыры в вентиляционном коробе все еще курился парок.

Мелинда поднесла к лицу телефон, набрала короткий номер.

– Докладывает капитан Ши, пятый отдел, – проговорила она. – ЧС на уровне минус девять, коридор «фокстрот», код «эскарго-черный», есть пострадавшие от газа, нужна «скорая». Как приняли? Есть, ожидаю на месте.

Она убрала телефон.

Кислородная маска скрывала ее рот, но глаза под огромными очками сдержанно улыбались.

Михаил Савеличев. Постоянная Эйнштейна

*There is no dark side of the Moon really,
as a matter of fact it's all dark...
(Темной стороны Луны не существует,
Она полностью темная.)¹*

1

Пик вечного света.

Единственная точка на Луне, где никогда не заходит Солнце.

Огненный шар висит низко над темными зазубринами кратера Пири, но он лишь слегка коснется острых вершин и двинется обратно вверх, словно живое существо, ощутив предупреждающе опасный угол ледяных игл.

Человек разглядывает поверхность через перископ.

Лунная база. Возводимый форпост человечества на естественном спутнике. Даже сейчас, когда все космонавты-строители внутри купола, идет невидимое движение машин, прокладывающих тоннели в лунных недрах. Если прислушаться, можно ощутить подрагивание стального пола. К нему привыкаешь и не обращаешь внимания.

Человек отрывается от перископа, складывает ладони лодочкой, подносит к лицу. Губы беззвучно двигаются. Возможно, он молится. Не услышать. Не разобрать, даже если увеличить звук до максимума. Лишь видно, как на синей ткани комбинезона проступают темные пятна. Пот. словно молитва – чудовищная по тяжести работа.

Но вот движение губ останавливается. Пятна слились, будто человек побывал под душем, не сняв одежду. Лодочка ладоней раскрывается, пальцы экономным движением распахивают магнитную молнию. Человек наг. Тело скручено из жил. По нему можно изучать анатомию. Он достает белую тряпицу и ловко закручивает вокруг чресел. Еще одна тряпица, гораздо длиннее, вокруг головы. Чалма и набедренная повязка.

Смена камеры.

Шлюз. Вспыхивает и гаснет оранжевый свет. Человек все так же наг, если не считать двух белых тряпиц. А за массивной дверью шлюза лунная поверхность. Безвоздушное пространство. Раскаленное солнце. Радиация. Но он даже не молится. Он терпеливо ждет. Ждет, когда дверь окончательно отъедет вверх и можно будет шагнуть наружу. На путаные цепочки отпечатков ботинок скафандров.

Это невероятно.

В шлюзе нет воздуха.

Но человек еще жив.

Он делает шаг наружу.

2

Никогда не забуду, как это произошло. Мы сидели в столовой и заправлялись перед очередной рабочей сменой, поглядывая на то место, где последние пять минут должен был восседать Лев Чандра и невозмутимо поглощать скудную вегетарианскую трапезу. На его тарелке

¹ Песня «Eclipse» (Затмение) группы «Pink Floyd». Автор слов Р. Уотерс.

покоились два свежих огурчика, зелень и больше ничего. Ничего такого, что смогло привести в чувство упавшего в обморок от подобного рациона какое-нибудь светило космической диетологии.

Что позволено Льву Чандре, командиру и прорабу международной лунной стройки, не позволено нам, простым смертным. Кларк яростно терзал кусок жареного мяса с кровью, я – рассыпчатую картошечку, а Лему предстояло вкусить густой молочный супчик. Рацион составлялся на Земле и загружался в киберкухню помимо нашего желания. Космическая диетология еще более мутная наука, чем психология, да не обидится на меня наш штатный психолог д-р З. Лем.

Кстати, он тоже задерживался. Привычно звучит «Голубой Дунай» Штрауса, которого Лем слушает даже в столовой. Знаю, Кларк предпочел бы «Темную сторону Луны», а я – тишину, но не возражаем. У каждого свои слабости.

Космонавты суеверны. Они никогда не поминают мертвых всуе. И надо же спор – Роберт помянул. Хотя, казалось, давно ритуальный: зачем человечеству космос? Как представитель прагматической цивилизации Кларк считает космос напрасной тратой ресурсов. Но сегодня нечто новенькое. Он решил подвести под это не экономику, но философию. Постоянную Эйнштейна. Когда-то означавшую силу космологического отталкивания, теперь же – почти мистическую силу, которая разрушает все, что делает человек в космосе. Ее можно назвать законом подлости. Но факты имеются: чем глубже в космос, тем чаще происшествия. Любые. Технические системы дают сбой, дружные коллективы погрязают в безудержных склоках.

– И даже Первая экспедиция, заметь... – начинает Роберт и осекается.

И лишь когда мы с Кларком синхронно взяли за компот, дверь отъехала в сторону, Лем шагнул в столовую, деревянно прошагал к своему посадочному месту, деревянно сложился, выложил на стол крепко сжатые кулаки с побелевшими костяшками и буднично сообщил:

– Чандрасекар умер.

Честно говоря, я не сразу понял – о чем он. Какой-то Чандрасекар. Очередной мадагаскарский таракан из вольера, которому предстояло стать первым лунным тараканом на радость космобиологам и на ужас грядущим поколениям лунных жителей? То ли я чересчур привык к прозвищу, мною самим и введенным в наш узко бригадный оборот, то ли сбил с толку чересчур обыденный тон Лема.

Лев Чандра умер.

Вот что сказал Лем.

Кларк издал звук, словно кусок мяса встал поперек горла.

– Где?

Еще один странный вопрос в череде странных событий. И почему я спросил именно это? Словно знал – важно не как, а где.

– На Луне. На поверхности. Он вышел наружу голым.

3

Роберт оторвался от намордника перископа, провел ладонью по лбу, утирая пот.

– Это невозможно... – Голос его дрожал. – Это абсолютно невозможно...

Моя очередь смотреть. Смотреть не хотелось. Не хотелось видеть Льва Чандру мертвым. И еще в голове надоедливой мухой крутилась мысль: «Первая экспедиция... первая экспедиция... первая экспедиция...» Неужели началось?

Лев Чандра оказался действительно гол, за исключением двух полосок материи, прикрывающих бедра и голову. Да и невозможно представить, что Лем использует метафору для описания случившегося. Он абсолютно точен в выражениях. Дотошен. Но и я понимал то, что имел в виду потрясенный Кларк, – выйти из кессона на поверхность в подобном облачении невоз-

можно технически. «Защита от дурака». Кессонная камера не должна сработать, если распознаватель, именуемый «привратником», фиксировал человека не в полной экипировке. И даже если бы Лев Чандра облачился в лунный скафандр, у него, в силу конструктивных особенностей облачения, не имелось возможности из скафандра самоизвлечься в космическую стужу.

– Что будем делать? – спросил я, хотя прекрасно понимал последовательность предстоящих действий. Согласно протоколу, в случае если командир строительства лунной базы по каким-то причинам не мог продолжать выполнять свои обязанности, руководство переходило к Лему, который должен был организовать экстренную эвакуацию персонала на орбитальную базу.

Никаких иных действий протокол не предусматривал.

Немедленная эвакуация.

Точка.

Выглядело нонсенсом, если бы не судьба Первой экспедиции.

4

У меня дежавю. Вновь странное ощущение повторения нереального.

Когда это случилось со мной в первый раз?

Третий день Второй экспедиции. Продолжается вживание в роль второстроителей международной лунной базы, а по совместительству, хотя об этом прямо никто не говорил, контрольной группы, которая должна своим примером доказать: трагедия Первой экспедиции – невероятное стечение невероятных обстоятельств.

Моя обязанность – подземные работы, которые осуществляются «Медведками» – могучими землеройными комплексами, достаточно умными, чтобы делать свое дело без какого-либо участия со стороны человека. Я – контролер. Я – надсмотрщик. Я иду по тоннелю, проложенному «Медведкой» еще во время Первой экспедиции, и подсвечиваю фонарем – тоннель пока законсервирован и обесточен.

Стены матово поблескивают, словно их покрывает слой слюны или слизи от прокопавшего ход к гнезду насекомого. В каком-то смысле так и есть. Результат машинно-химического метаболизма, ибо «Медведка» не только копает, но и укрепляет ход и даже прокладывает всю первичную инфраструктуру – кабели, освещение, заготовки ответвлений будущей лунной базы, а со временем, чем черт не шутит, и лунного города.

И когда луч фонарика высвечивает из темноты фигуру селенита, я резко останавливаюсь. От неожиданности – да. От страха – нет.

«Первые люди на Луне» Герберта Уэллса – любимая книга. Более того, это первая книга, которую прочитал полностью самостоятельно в пятилетнем возрасте и с тех пор перечитывал регулярно. Десятки раз. Может быть, сотню.

Я наизусть помню описание селенитов.

И почти не нахожу отличий.

Казалось, у него не лицо, а уродливая страшная маска. Нос отсутствовал, а тусклые, навывкате глаза сидели по бокам, похожие на уши. Но ушей тоже не было. Рот, изогнутый книзу, казался человеческим, но искаженным злобной гримасой. Шея разделялась на три сочленения, как ножка краба. Он сделал три шага навстречу, ступая как птица, ставя одну ногу прямо перед другой...

5

Мы с Робертом облачились в скафандры. Нам предстояло выйти на поверхность и занести тело Льва Чандры обратно в купол.

– Гагаров, с вами все в порядке? – спросил Лем, который перебрался в центр слежения. Это не интуиция и не прозорливость психолога – всего лишь фиксация ускоренного пульса и потоотделения чуть выше нормы.

– Со мной все в порядке.

– Отлично. А с вами, Кларк?

– Бесподобно. – Роберт почему-то сказал по-русски, а мне на какое-то мгновение почудилось, будто это произнес не Кларк, а нечто, занявшее его место в скафандре.

Но самым жутким оказался вид отпечатков голых ступней поверх ребристых отпечатков подошв скафандров. Лев Чандра действительно шел без всего по поверхности Луны, в безвоздушном пространстве, пронизанном солнечным излучением, раскалявшим любую поверхность до двухсот градусов по Цельсию.

Его должно было разорвать давление газа внутри тела.

Он должен был превратиться в ледяную статую.

Его должно было сжечь Солнце.

Он не должен был сделать ни шага, мгновенно погибнув еще на этапе шлюзования.

Но он не только вышел, но и сделал десяток шагов, прежде чем умереть.

Кларк извлекает туго свернутый пакет. Я помогаю растянуть его на лунном грунте. Вместилище мертвых тел. Странные вещи имеются, как оказывается, в медицинском инвентаре. Хотя что тут странного? Неотъемлемое свойство людей – умирать. Или гибнуть. Трагически. Героически. Бездарно. Загадочно. Какой эпитет подходит здесь?

Лично я выбрал бы – трагически.

Трагическая гибель командира строящейся лунной базы Чандрасекара, первого индийского космонавта на Луне, незаурядного ученого и к тому же йога.

Пакет лежит, широко разинув пасть, ожидая тело. Теперь предстоит самое трудное. Не физически. Психологически. Уверен, наши показатели на биомониторах зашкаливают допустимые пределы. Но Лем молчит. Молчим и мы, вглядываясь в зеркальные поверхности гермошлемов, словно пытаясь рассмотреть сквозь отражающий слой лицо товарища.

И когда нам больше ничего не остается, кроме как нагнуться и взяться за мертвеца, вокруг разверзается ад.

6

Купол не достроен. И не соединен с основными строениями базы. Его используют под склад. Под чухлomu. Все, что не нужно сейчас, но может понадобиться завтра. Или послезавтра. Или через год. Теперь наше временное укрытие. Против блуждающего маскона.

Когда выбиралось место под лунную базу, выбор кратера Пири считался наиболее удачной идеей. Во-первых и в главных – пик вечного света, что позволяет со временем развернуть вокруг базы поля солнечных батарей, избавляясь от скудного энергетического пайка. Во-вторых, «замороженные» орбиты, характерные для экваториальных зон Луны, но и здесь, в районе полюса, они тоже есть.

Проклятие Луны – масконы, масс-концентраторы, причина сложнейших гравитационных возмущений, от чего спутник Земли почти не имеет стационарных орбит. Любое орбитальное тело без постоянной корректировки обязательно упадет на лунную поверхность.

А проклятие из проклятий – блуждающие масконы, возникающие ниоткуда и в никуда исчезающие. Ни гипотез, ни теорий, ни моделей их природы еще не придумано. Но блуждающие масконы не слишком этим озабочены.

И вот результат – вокруг лунной базы словно прошло не очень прицельное бомбометание. Грузовой шаттл, прилетевший по расписанию, сошел с «замороженной» орбиты и превратился в тучу осколков.

Кто сказал такую глупость, будто в космосе нет звуков? Звук есть. Пробирающий до костей гул взрывов. Распространяясь по поверхности, по куполу, по скафандрам и давя на уши так, что хочется заткнуть их ладонями. Увы, невозможно.

– У меня утечка, – говорит Роберт. – Посмотришь?

У меня тоже утечка – ползунок давления в баллонах сдвигается к нулевой отметке слишком быстро.

Я осматриваю скафандр Кларка, потом он осматривает мой. Накладываем друг другу заплатки на те места, откуда, как нам кажется, выходит воздух. Ключевое здесь – «кажется». Ползунок несколько не замедляется. Ни у меня, ни у Роберта. И нет связи с Лемом.

Мы в осаде.

– Спасибо, – говорит Кларк. – Спасибо, что вытащил... я... я растерялся, понимаешь?

7

В нашем распоряжении минуты. Роскошь человеческой жизни, щедро сдобренная роскошью человеческого общения.

– Что будем делать? – Кларк.

– Нам не хватит кислорода вернуться в купол, – я.

– Если дышать через раз, а потом надолго не дышать... – Кларк.

– Ты серьезно? – Меня не хватает даже на иронию. – Шлюз может быть поврежден.

– Лем поможет его открыть, – Кларк.

Я молчу, поскольку не силен в мечтаниях или бреде. В подобных ситуациях я не теряюсь, мыслю холодно-логично, без иллюзий.

Выход, конечно, есть. Но я не смогу предложить его Кларку. Потому что случилась моя встреча с селенитом в подземном тоннеле, проложенном «Медведкой». И потому что на лунной базе не предусмотрена конфиденциальная связь с национальным центром управления. Мы все – члены одной команды. Команды Человечества. Индус, русский, американец, европеец, китаец, японец, бразилец, заирец. Те, кто сейчас находится на двухнедельной рабочей смене на лунной базе, и те, кто ожидает своей смены на орбитальной лунной станции. Мы пришли с миром и от имени всего человечества.

Но при этом я точно знаю – на поверхности голубого шарика нас жестко и беспощадно разделяют границы и разрывают противоречия. Поэтому любые политические дискуссии в космосе запрещены под угрозой немедленной дисквалификации. Поэтому наложен запрет на новостные каналы. Поэтому все общение с Землей идет через международный ЦУП. Поэтому я должен донести свое невероятное открытие существования селенитов до возвращения на Землю, доложить о нем компетентным национальным космическим службам. Таковы инструкции, полученные мною перед тем, как я перестал быть гражданином Российской Федерации и стал гражданином космоса или, точнее, – гражданином Луны.

И я на двести процентов уверен – подобные инструкции вшиты в кровь и плоть Кларка, Лема, всех и каждого.

О любых событиях, имеющих чрезвычайное стратегическое значение, докладывать исключительно в национальную космическую службу, пользуясь максимально конфиденциальными каналами. А если таких каналов нет, то – лично по возвращении на Землю.

Именно поэтому мне нужно выжить и вернуться.

Более того – мне приказано выжить.

8

Становится невыносимо противно. Поначалу я принимаю это за первые признаки кислородного голодания. Но дело гораздо хуже. Это – совесть. Я отнюдь не ангел. Не бессребреник. Не воплощение человека, с которым у меня схожа фамилия, а кто-то говорит – лицо и улыбка.

Я боюсь.

И я хочу жить.

Вот только блуждающий маскон имеет на этот счет иное мнение.

Добраться из купола до базы может только один, которому другой отдаст свой баллон. Отдать баллон – еще одна нетривиальная задача для лунного скафандра, поэтому на ее решение тоже предстоит потратить время. Благо вокруг нас залежи ненужных деталей и инструментов. Из которых можно собрать еще один челнок. Вот только кислорода из них не добудешь. Какая ирония...

– Роберт. – Я сжимаю кулаки насколько позволяют перчатки скафандра и продолжаю, не позволяя себе слишком задумываться: – Роберт, Луна обитаема.

– О да, – говорит Кларк. – Ее население, по самым оптимистическим оценкам, составляет на данный момент три человека.

– Я не об этом. Здесь есть селениты. Понимаешь? Они обитают в пустотах под поверхностью. Я встретил селенита в туннеле, где работала «Медведка».

Что я ожидаю от Кларка? Я ожидаю, что он мне не поверит. Более того, мне даже хочется, чтобы он не поверил, но моя совесть перед человечеством будет чиста. Я не скрыл, я все рассказал. Все, что знал. Крошечную крохотку.

– Почему ты об этом рассказываешь?

– Потому что мы сейчас с тобой размонтируем наши скафандры и переставим уцелевший баллон с воздухом тебе. И ты доберешься до базы. И расскажешь о селенитах. И черт с тобой, ты можешь рассказать это не человечеству, а только и исключительно НАСА. Твое право. Я ни о чем не прошу. Просто расскажи.

– Хорошо. Я расскажу.

Вот так просто. Без возражений и великодушного спора о том, что баллон должен достаться не ему, а мне. Романтизм русских, как всегда, проиграл прагматизму американцев. Но я и не надеялся.

Я поворачиваюсь к стеллажам, ящикам, контейнерам.

– Нужно найти подходящие инструменты.

9

Только сделав несколько шагов к стеллажам, я понимаю, что Кларк не следует за мной. Я повторяю на тот случай, если он не поверил:

– Я отдам тебе свой воздух. Ты вернешься на базу и расскажешь про селенитов. Кому хочешь и как хочешь. У нас нет времени на споры.

– Я нашел монолит, – говорит Кларк.

Плохо дело. Скорее всего у него не в порядке еще и поглотители углекислоты. Начинается бред.

– Я нашел монолит сверхцивилизации, – говорит Кларк. – Он... он полон звезд. Это даже не монолит, а портал. Проход в червоточину. Дверь к другим звездным мирам.

– Я тоже видел этот фильм. Давай работать.

– Ты не понимаешь. – Кларк шагает ко мне и хватается за плечо. – Я каждый день хожу на энергостанцию. Знакомая дорога. Каждый божий день – туда и сюда. Ничего интересного.

Валуны. Камни. И следы в пыли. Поэтому когда первый раз увидел вспышку... я подумал, что... Сенсорное голодание. Понимаешь? Решил, что у меня глюки от сенсорной депривации. И испугался. Если бы не испугался, я бы ни за что туда не пошел. Ведь это нарушение инструкции. Запрещено покидать проложенный маршрут движения.

Его утечка серьезнее моей.

– Он стоял в тени скалы. В густой тени. Если бы он не включился, я бы его не заметил. Вернулся на базу и попросил бы у Лема волшебных таблеток. Но он включился, и я увидел... Алексей, они здесь были, и они оставили нам путь в другие миры.

И тут меня разбирает смех. Меня трясет от попытки удержаться. Потому что смех – дополнительный расход кислорода. Бесполезно. Я смеюсь. Я смеюсь и выдавливаю вместе со смехом:

– Селениты... монолит... селениты... монолит...

Кларк отступает. Бьюсь об заклад – за зеркальной поверхностью лицевого щитка безумный взгляд. Или ошалелый. Мне не объяснить – как смешно на пороге смерти узнать о двух величайших открытиях, которые могут изменить будущее человечества. Дать человечеству еще один шанс на выживание, потому что каждый здравый человек понимает паллиативность этой так называемой международной лунной базы в кратере Пири. Которая, возможно, вообще не будет достроена, ибо всемирная междоусобица начнется раньше, чем сюда на смену строителям прибудут исследователи. Да и когда наука являлась средством примирения и сотрудничества? Наука движется войной, а война движет наукой.

10

Мы больше об этом не говорим. Мы методично-лихорадочно обыскиваем стеллажи, контейнеры с зипами, сбрасывая в кучку то, что поможет проделать операцию пересадки баллона с одного скафандра на другой скафандр. Мы не говорим о селенитах и монолите потому, наверное, что мы не герои. Мы – строители. Не покорители межзвездных пространств, а те, кто идет следом. За первопроходцами. Мысль о близкой гибели нас пугает, а не заставляет с еще большим воодушевлением продвигаться к неизведанному.

– Мы не успеем. – Я вздрагиваю, ибо кажется – сказал вслух, но это Кларк. Он вертит в руках замысловатую деталь. – Утечка воздуха ускоряется.

Я знаю, но не говорю. Скоро. Скоро мое щедрое самопожертвование потеряет всяческий смысл. А люди не узнают о величайших открытиях. Лунную базу после подобного инцидента обязательно закроют. Гибель Первой экспедиции. Гибель Второй экспедиции. Обрато в колыбель, в которой человечеству тесно, которая изгажена до невозможности, которую давно пора покинуть, ибо нельзя всю жизнь провести в колыбели.

– Тут есть тоннель, – говорит Кларк. – Тоннель до купола.

Словно в ответ пол вздрагивает. Блуждающий маскон продолжает свое дело. Обойма грузовых ракет с регулярностью бомбардировщиков уютит окружающее пространство. Не будь основной купол укрыт в скальной породе, ему пришлось бы несладко. А вот складской купол – на открытом месте. Ну-ка, какова вероятность попадания ракеты?

– Тоннель служебный, – говорю я. – Предназначен для подвода коммуникаций. Ширина, высота не соответствуют габаритам наших скафандров. Забудь.

И тут Роберт говорит такое, что окончательно убеждает – он сошел с ума.

11

Тоннель узок. Чертовски узок и не предназначен для человека. Расточительно пробивать в лунной породе служебные тоннели по габаритам космонавта, и не просто космонавта, а кос-

монавта в скафандре. И вот результат – условный путь к нашему спасению имеется, но нам в него не пройти, как верблюду в игольное ушко. Уточним – нам, облаченным в громоздкие лунные скафандры. Не надо быть специалистом в ТРИЗ, чтобы додуматься до решения: снять скафандры и преодолеть несколько сотен метров тоннеля в нательном белье и термокомбинезонах.

Я – за скептика. Кларк – за оптимиста.

– Там нет воздуха, – скептик.

– Мы можем не дышать, – оптимист.

– Там космическая стужа, – скептик.

– Мы побежим очень быстро, – оптимист.

– Человеческий организм не может существовать в вакууме, – скептик.

– Чандрасекар доказал обратное, – оптимист.

– Мы не йоги. И он погиб, – скептик.

– У нас нет другого выхода, – оптимист.

Я знаю – Кларк прав. Но мне жутко. Жутко выбраться из скафандра в безвоздушное пространство. В пустоту. Все противится этому, даже сам скафандр, в котором предусмотрена «защита от дурака». Но на хитрую гайку найдется еще более хитрый болт.

Я делаю глубокий и последний вдох. Перед нырком в безвоздушное пространство. Вырываюсь из уютного лона лунного скафандра. Словно еще раз рождаюсь на свет. Что думает младенец, покидая материнское лоно? Может, он тоже отчаянно боится, что умрет? Ведь его больше не будет питать кислородом и пищей пуповина, а беззащитное тело не укроет оболочка матки?

И вот я вовне.

В пустоте!

И рядом – дружнице Роберт.

И мы, черт меня раздери, почему-то еще живы!

Отсчет пошел.

Мы ныряем в распахнутый люк служебного тоннеля и начинаем наш забег. И смерть мчится по пятам. Кларк – впереди. И темное пятно, которое расплывается в районе поясницы, беспокоит меня. Я не могу разобрать цвет – темный или алый.

12

– Все, – сказал Лем и накиннул на заостренное лицо Роберта простыню. – Я ничего не мог сделать.

Я знаю. Я знаю – если бы мог, он сделал бы. Крохотка, разогнанная до космической скорости, насквозь прошила Кларка в районе поясницы. Блуждающий маскон дотянулся. Забрал одну жизнь.

– Мне надо идти, – говорю я Лему. Он пристально смотрит, словно пытаюсь поставить диагноз – нервный срыв или психологический слом? – Нужно осмотреть энергостанцию, – поясняю.

Я ожидаю, что Зигмунд будет возражать, прикрываясь обычными врачебными поводами. Его право. После пробежки в пустоте меня следует срочно эвакуировать на Землю, запереть в медицинском центре и исследовать под микроскопом. Еще бы. Человек, доказавший, что резервов организма достаточно на столь безумный поступок. Надо лишь сделать глубокий вдох.

– Скафандр я надену, – что-то вроде невеселой шутки.

Я знаю, тяжело не только мне.

Тяжелее всего Лему.

Потому что он быстро понял: это – психоз. Весьма специфический психоз космологического происхождения. Антенна, направленная в межзвездную пустоту и настроенная на длину водорода, не может упрямо ловить вальс Штрауса «Голубой Дунай». И тем не менее вот он – Лем не случайно включал его каждый день, пытаясь по нашей реакции еще раз убедиться – он не сошел с ума. И мой селенит, и переполненный звездами монолит Кларка, и нечто, что заставило Льва Чандра выйти голым из купола, – проявление постоянной Эйнштейна, загадочного члена «лямбда» в релятивистских уравнениях, который вводил в мироздание силу отталкивания.

Мы должны были молчать о наших псевдооткрытиях, ибо у каждого имелись на этот счет четкие инструкции. Между нами еще до прибытия на Луну пролегла трещина – отчуждение, недоверие. И мироздание проверило нас на излом. Так же как проверило Первую экспедицию.

Нет, мы не оказались лучше. Скорее, нам повезло. Хотя я уверен, что Роберт знал о том, что смертельно ранен. Знал и не собирался брать у меня баллон. Он отдал бы мне свой. Простой американский парень, которому также претили все эти секретные инструкции, все эти земные воплощения постоянной Эйнштейна.

Пусть так. Пусть эта постоянная Эйнштейна не космическое суеверие, а действительно космологическая сила, препятствующая нашему продвижению в космос. Но значит, есть что-то еще. Сила, которая в противовес ей сближает нас, преодолевает отталкивание и отчуждение, и когда такое происходит, мы обретаем фантастические способности. Например, выживать без скафандров. А может, что-то еще большее, что в конце концов все же откроет нам дорогу к звездам.

Я стою на поверхности Луны.
У Луны нет темной стороны.
Мы несем ее в себе, даже сюда —
в пик вечного света.

Алекс Передерий. Звезда в космосе

Феликс сидел напротив Мадам и старался выглядеть гордо и независимо, насколько это возможно в положении, когда зад утонул в мягком кресле, а колени задралась до самого подбородка.

– Я думаю снять новый клип, смешной. Это сейчас модно. – От волнения он теребил борт расшитого бисером пиджака. Пиджак имел весьма потертый вид, как и его хозяин.

– Звезда моя, это не поможет, – сказала Мадам, отгоняя ножкой надоедливую робота-пылесоса, на котором вальяжно разлегся лысый кот. Тот смотрел на Феликса так же язвительно, как и хозяйка-продюсер.

– Остальные же как-то живут: собирают стадионы, по элитным клубам ездят, даже покупают особняки с башенками...

– Чтобы с башенками, – грубо прервала его Мадам, – нужно было деньги вкладывать в бизнес, а не расшивать трусы бриллиантами и не раздавать миллионы кошачьим приютам!

Феликс стыдливо потупился, фазанье перо на голове понуро свесилось вниз. Мадам права. Но что поделать, он терял силу воли при виде всего яркого и блестящего. Ведь роскошь словно шоколадная конфета: просто лизнуть недостаточно, нужно обязательно разгрызть, выпить сладкого ликера и закусить вишенкой. На меньшее Феликс был не согласен.

– Кризисы случались и раньше. Помнишь, как было тяжело, когда мои поклонницы начали стареть? Мы же выкрутились! Продали голографические статуэтки с записью хитов.

– А сейчас старушки умерли!

– Ну должен же быть выход? Помоги мне, а. Я же твоя маленькая звездочка.

Феликс изобразил жалобную мордашку, но не сработало.

– Какая, к черту, звездочка? Ты двухметровое недоразумение, ошибка молодости с пересаженными волосами и литром ботокса под кожей! Даже я не знаю, как тебе вернуть популярность. Кастрируйся! Убей президента! Слетай на Луну! Что угодно, но не за мой счет!

От возмущения Мадам начала задыхаться и спешно искать на столе ингалятор. Феликс немного поерзал на диване в ожидании: если она помрет, то это будет хорошим поводом дать несколько интервью, а там и памятный концерт, и хайп на поминках. Будто услышав его мысли, Мадам гневно указала ему на дверь. Феликс вздохнул, встал и пошел на выход, бросив взгляд на свое отражение в зеркале.

* * *

Агата шла по колено в снегу и представляла, что прет на себе мамонта. Это было куда занятнее, чем тащить домой пьяного Феликса после корпоратива. Хотя особой разницы между Феликсом и мамонтом не было. Оба тяжелые, вонючие, древние и представляют интерес только для антропологов.

Сгрузив босса на крыльцо обшарпанного особняка, она достала ключи и только после этого заметила, что замок спилен, а дверь опечатана.

– Ну что там, Агата? – пьяно спросил Феликс, вставая на четвереньки.

– Приставы приходили, – ответила она, открывая дверь пинком ноги и входя в гостиную. Феликс заполз следом.

– Лишь бы они не тронули мои костюмы, – простонал он, доползая до полинявшего коврика.

Агата не сомневалась, что монструозные наряды в порядке, а жаль. Безумные конструкции ничего не стоили и никому не были нужны. Втайне от босса она несколько раз выставляла

их на аукционы, но смогла продать лишь два. Кожаный костюм с клепками отошел модному фетиш-клубу, а розовые крылья купила какая-то домохозяйка, чтобы отодрать перья и сделать детям платья на утренник. Даже в разгар Хэллоуина никто не решался надевать эту дичь.

– У меня ничего не получается! – Феликс размазал сопли рукавом и пополз в гостиную, оставляя за собой клочки меха. Агата все ждала, когда закончится период линьки и убогая шуба превратится в кожаное пальто.

– Я же бо-ги-ня... ба-ле-ри-на... У меня же песни... – От бутылки дешевого вискаря, украденного с корпоратива, Феликса знатно развезло, и он не мог подобрать подходящего слова. – Монументальные, знаешь? А как меня встречала толпа, ты видела? Они визжали от восторга.

Агата переступила через него и пошла на кухню ставить чайник. Толпа и правда визжала, но скорее от ужаса. В середине выступления Феликс решил раздеться, а потом по старой памяти прыгнуть в зал. Люди у сцены перепугались, представив, как на них рухнет эта огромная волосатая туша. Обошлось. Феликс запутался в штанах и рухнул раньше, чем добрался до несчастных зрителей. И хоть это феерическое падение стоило сломанного зуба, стоматолог стоил дешевле, чем выплаты за причинение морального и физического ущерба.

– Ну что мне теперь делать? Может, правда яйца отрезать?

– Эээ... какие яйца? – Агата выглянула из кухни.

– Вот эти. Эти, – сказал Феликс, сжимая рукой свое хозяйство.

Агата на секунду задумалась, оценивающе посмотрела на босса, а затем покачала головой.

– Покушение на президента? Похищение «Моны Лизы»? Секс с орангутаном?

– Орангутан не сравнится с тем, что вы устроили со Степашковым.

– Не напоминай. – Феликс зажал рот рукой. Его тошнило от воспоминаний. Как вообще можно спастись с тем, кто фальшивит на соль-дизеле? – Может, в космос?

Агата задумалась. Идея звучала бредово, но почему-то именно Феликсу очень везло на всяком безумии. Был в этой стареющей диве талант блистать в самых неожиданных обстоятельствах. Каждый раз он умудрялся выкрутиться из патовой ситуации, по-идиотски улыбаясь и хлопая накладными ресницами. А сейчас, когда страна переживала ренессанс космонавтики, почему бы и не попробовать.

– Знаешь, а это может сработать.

В голове Агаты родился план.

* * *

Заседание комиссии по планированию полетов было в самом разгаре. Горячие споры о целях две тысячи тридцать шестого года закончились, и председатель объявил следующую тему: партнерские программы и космический туризм.

Слово взял директор по развитию.

– Чтобы добиться коммерческой прибыли, мы должны за год отправить на НКС минимум четырех туристов. Предварительно это: Джонсон, Ротшильд, Зеленски и... Феликс.

По залу прокатился шепот, слышались смешки.

– Вы всерьез собираетесь подсунуть нам этого пернатого клоуна?! Все равно что в космос насрать! – возмутился руководитель Департамента пилотируемых космических программ – ДПКП.

– Вы удивитесь, но Феликс один из лучших кандидатов. У него техническое образование, он даже отслужил в радиолокационных войсках! Здоровье как у быка.

– Он же пережиток прошлого! О нем помнят вообще?

– Кто-то выложил в сеть записи его тестов, и они мгновенно стали вирусными, – ответил директор по развитию.

– О, я видел! Смешно до слез, – вставил председатель комиссии и сунул свой мобильный соседу. Тот уставился в экран и потихонечку начал сползать под стол от хохота.

Весь кадр занимала улыбающаяся ряха Феликса, а в углу бежали цифры, обозначающие скорость вращения центрифуги, в которой он сидел, и силу перегрузки, которую испытывает тело. Одновременно с тем, как увеличивались показатели, претерпевало метаморфозы и лицо Феликса. Улыбка расплывалась все шире, в больших карих глазах был детский восторг, но постепенно глаза все больше округлялись, а брови ползли вверх. Чем дальше, тем его раскрывало сильнее, круглые щеки начали сползать на одну сторону, и он стал больше напоминать хомяка, у которого что-то пошло не так. Но это было только начало. На высоких оборотах стал виден косметический скотч, которым, в отсутствие денег на операцию, пользовался Феликс для подтяжки лица. Как бы китайцы ни восхваляли свой продукт, но на такие нагрузки он рассчитан не был. Лицо удивленного хомяка постепенно приобретало черты перепуганного сенбернара. Нагрузка все увеличивалась, веки шлепали по выпученным глазам. Феликс кряхтел и попискивал, но кнопку «отбой» не нажимал. Когда тест завершился, изрядно потрепанный Феликс ошупал обвисшее лицо, сдул с лица прядь мокрых волос и тонким дрожащим голосом произнес: «И это все?»

Председатель оторвался от экрана:

– Показатели у него, между прочим, превосходные! Удивительно, учитывая его репутацию.

– Ну, это же цирк какой-то! – воскликнул руководитель ДПКП.

– Пользователи Сети организовали кампанию: «Запули звезду в космос!» и за три дня собрали полную стоимость полета! Это лучшая реклама нашего туристического направления.

– Предлагаю проголосовать, – сказал председатель комиссии.

Все участники на минуту уткнулись в рабочие планшеты, а потом на экране появилось табло результатов. Десять к трем в пользу Феликса.

– Ух и разозлится же Тимонов, – сказал руководитель ДПКП и сел на свое место.

* * *

К концу подготовки Феликс ненавидел тренажеры, воду, космос, но больше всего ненавидел Тимонова – капитана экипажа, с которым ему предстояло лететь. Феликса не так пугал сам полет, как осознание того, что он будет заперт в одном помещении с человеком, обладающим харизмой кирпича и тактичностью топора.

Тимонов не то чтобы был груб, но смотрел на певца со смесью жалости и презрения. Несколько раз Феликс порывался поговорить с ним по-мужски, но как только они оказывались вдвоем, позвоночник мгновенно превращался в кисель, а слова застревали в горле так, будто у них вырастали конечности, и они вставляли в распорку. В результате вместо пламенных обличительных речей Феликс жалобно попискивал.

И вообще в Звездном городке он чувствовал себя побитым жизнью псом, которого на старости лет пытались обучить новым трюкам. Заставляли бегать, приседать, прыгать, погружаться под воду. И дня не проходило без того, чтобы Феликс не подвергся какому-нибудь унижению со стороны Тимонова.

«Не кроши», «не ленись», «не шуми», «не душись».

И несмотря на то что Феликс был прекрасным учеником, одобрения капитана он так и не снискал.

Хуже, пожалуй, было только Мунь Луню – первому тибетскому космонавту, который был еще большим изгоем, чем Феликс. Он был лысый, маленького роста, постоянно мерз и оттого

выглядел одиноким и несчастным. Вдобавок бедняга плохо говорил на английском. Феликс несколько раз начинал с ним беседу, но Мунь лишь таращил глаза.

Лишенный компании маленький азиат не знал, куда себя девать. Он мог часами изучать план интернациональной орбитальной станции, копаться в каких-то бумажках, а когда становилось совсем скучно, уходил подальше от всех и садился в позу лотоса, прикрывая глаза и отдаваясь грусти.

Феликс и сам был тонко чувствующей творческой натурой, но никто на этом свете не должен оставаться без друзей. Поэтому он объявил себя его главным русским другом и развлекал как мог. Чаше, конечно, сам жаловался ему на жизнь, но друзья для того и нужны, чтобы было кому часами рассказывать о тяготах и невзгодах.

– Как твои дела, Мунь? – начинал беседу Феликс и, не дожидаясь ответа, продолжал: – Я как-то не очень. Хотя экзамен сдал на отлично. Это не потому, что я умнее остальных, просто с детства память хорошая. Цифры, схемы – это мое. Значение не всегда понимаю, а запомнить могу. А с песнями наоборот. О чем песня – помню, а слова вылетают. У тебя такое бывает?

Мунь сидел на полу спортзала в позе лотоса и косился на Феликса так, будто он мог от его взгляда испариться, как иллюзия.

– Бывает, – продолжил Феликс. – Мы вообще-то похожи. Народ нас не понимает. В Тибете протесты. Говорят, не место человеку в космосе. Грозят апокалипсисом. А разве ты много хочешь? Просто идешь за мечтой. Кто-то хочет стать космонавтом, кто-то фермером, сварщиком или продавцом. Я вот всего лишь хочу быть звездой. Разве это много? Я же заслужил! У меня ум, красота, талант. Мне завидуют, и от того предвзятое отношение. Вот тебе комиссия разрешила взять с собой талисман. – Феликс указал на длинную деревянную палочку, болтающуюся на груди Муни. – А мне не разрешили. Где справедливость?

Феликс повертел в руке огромную золотую звезду с буквой «Ф», инкрустированную камнями, и грустно вздохнул. Он даже не стал упоминать, что ему не позволили взять любимый брелок с беличьим хвостом, уютную шелковую пижаму с голубыми слониками, без которой он уже не мог уснуть, повязку на глаза с массажным охлаждающим эффектом, маски, бальзамы, даже любимые фиолетовые носки! Он едва смог сторговаться на серебристый комбинезон, и то потому, что Агата вписала его в условия контракта.

Вообще обитатели Звездного городка были людьми с причудами. Вроде люди науки, а ужасно суеверные. Какими только дурацкими вещами за это время не пришлось заниматься. Сажать дерево, смотреть старый фильм, торчать в кабинете Гагарина, а когда Феликс расписался на памятном постере черным маркером, Тимонов три дня вовсе с ним не разговаривал.

Феликс с нетерпением ждал полета, потому что хотел побыстрее сбежать из этой каторги.

В день старта космонавты в красивых новеньких комбинезонах «Роскосмоса» должны были выйти на небольшой балкон и помахать руками людям, собравшимся их проводить. На наблюдательной площадке нового космодрома для зрителей были оборудованы специальные трибуны. Билеты были дорогими, но на этот старт не осталось ни одного свободного места. Поглазеть на старт приехали в основном молодые люди. Несмотря на расстояние, встречный ветер доносил их смех и улюлюканье. Феликс слышал эти сладкие звуки через закрытые двери, и его сердце замирало. Как он соскучился по восторженной толпе.

– Чему ты радуешься? Они смотрят на тебя, как на клоуна, – спросил Тимонов.

– Они меня любят. Я – звезда!

Тимонов смерил «звезду» взглядом и покачал головой.

– Ничего он не понимает, да, Мунь?

Послышался гул аплодисментов. Тимонов скомандовал «выходим», и двери распахнулись. Феликс же дождался, пока все начнут идти, и отступил назад. Ему нужно было несколько секунд, чтобы достать припрятанные за огнетушителем золотые эполеты, ободок со звездочкой

и перчатки. Ему запретили эпатировать публику, но он обещал поклонникам, что будет сиять, и он сделает это.

Тимонов обернулся, увидел его и прошептал: «Твою мать!..»

Феликс вышел на балкон, поднял вверх руки, и толпа взревела. Перчатки горели на солнце, и он чувствовал себя греческим божеством, может, и самим Зевсом, а что такого?

Постояв минуту, космонавты вернулись в коридор. Как только двери захлопнулись, Тимонов схватил Феликса за грудки и прижал к стене.

– Если ты изгадишь мой крайний полет какой-нибудь выходкой, то я заставлю тебя пожалеть, что ты на свет родился.

Несмотря на то что Феликс был на голову выше Тимонова и физически сильнее, ему почему-то и правда стало немного боязно. Капитан не умел шутить.

– Я просто обещал людям...

– Мне плевать. Любая ошибка может стоить экипажу жизни.

Феликс кивнул и медленно снял эполеты с плеч. Момент триумфа был испорчен, и он поплелся следом за всеми облачатся в скафандр, проходить последние проверки и прощаться с близкими, которые сидели, отгороженные толстым стеклом.

Феликс уныло окинул взглядом провожавших. Три буддиста в оранжевых одеждах, трое сыновей Тимонова, пухлая жена и старенькая матушка, рыдающая в три ручья. Дети прижимали ладошки к стеклу, а Тимонов, смеясь, делал вид, что сейчас ущипнет их. Дети вскрикивали, отпрыгивали в сторону и снова прилипали к стеклу. Супруга Тимонова сидела чуть поодаль, спокойная и благодушная. Она улыбалась детям, поглаживала округлившийся живот и делала вид, что свекрови не существует.

Перспективы родительства вселяли в Феликса ужас. Кто в здравом уме готов жертвовать здоровьем, силами, карьерой и сном, чтобы менять памперсы, вытирать слюни и терпеливо следить за тем, чтобы неразумное создание не убилось. Наверняка все эти счастливые родители, наперебой рассказывающие, что дети – смысл жизни, просто жертвы стокгольмского синдрома. Бедные.

– Это твоя жена? – спросил у Феликса Тимонов.

Капитан так растрогался, что казалось, был готов полюбить весь мир, ну и Феликса заодно. Певец посмотрел на стекло, за которым сидела Агата. Она не согласилась надеть платье и сидела сложа ногу на ногу в дорогом брючном костюме, держа в руке табличку с хэштегом «#звездакосмосе». Надо признать, что пышногрудая блондинка с алыми губами смотрелась гораздо эффектнее, чем оранжевые буддисты и сопливые дети.

– Это? Это Агата, мой водитель-телохранитель, – с радостью пояснил Феликс, тронутый вниманием. Ему сразу же захотелось рассказать все. – Я нанял ее, чтобы меня не обвиняли в сексизме. Наглядное доказательство, что женщина может сносно выполнять мужскую работу, не забывая про свою главную обязанность: быть красивой.

Феликс ослепительно улыбнулся Тимонову, но тот смотрел на него со смесью жалости и презрения.

– Что? Я плачу ей почти как мужчине!

Агата послала Феликсу воздушный поцелуй.

* * *

Через десять минут прощание закончилось, и экипаж вывели на площадку. Огромная ракета была окутана паром. Она выглядела такой тяжелой, что сложно было представить, как она вообще может оторваться от земли. Их поднимали к люку на специальном лифте. Феликс вцепился в поручни и отказывался разжимать руки. Тимонову пришлось буквально запихивать его внутрь. Они репетировали этот полет бесчисленное количество раз, и все было хорошо, но

осознание реальности происходящего настигло певца только сейчас. Ему казалось, что сердце использует желудок в качестве батута, чтобы скакать, доставая до горла. Головокружение сменилось тошнотой.

Пятнадцатиминутная готовность.

Пока голова боялась, руки на автомате делали все, чему их учили. При этом Феликс жалобно попискивал.

Пятиминутная готовность. Минутная готовность. На экране было видно, как от ракеты отходят обслуживающие фермы. И вот через сорок секунд послышался оглушающий рев двигателей, но Феликс умудрился их перекричать. Скажи ему кто раньше, что он возьмет эту ноту, он бы не поверил, впрочем, как не поверил бы и во все, что будет происходить с ним дальше.

* * *

Феликс был уверен, что все восемь дней пребывания на станции проторчит в прозрачном куполе главного отсека, будет любоваться звездами, Землей, Луной. Он предвкушал творческий подъем, космическую музу, но егохватило на сутки. На второй день стало ужасно скучно. После прилета весь экипаж мучила космическая болезнь, а остальные члены команды были заняты своими делами. Ему самому пророчили ужасные мучения и дезориентацию, но Феликс чувствовал себя прекрасно. Он обнаружил в себе талант к полетам в невесомости и юрко сновал туда-сюда, ставя рекорды скорости, и репетировал танцевальные па.

Почему-то это ужасно всех раздражало. На следующий же день он переоделся в серебристый комбинезон и начал записывать материал для будущего клипа: делал кульбиты, танцевал, но без песни все было бесполезно, а муза все не приходила.

В конце концов, дождавшись, когда Мунь Лунь приступит к своей работе, Феликс прилип к нему.

Сначала Мунь отмахивался, но затем смирился с присутствием певца и перестал обращать на него внимание. Тибетец выгрузил лотки с растениями в биологический модуль. Достал кусок коры, счистил с нее лишайник и остатки мха, с обратной стороны осторожно сделал углубление и положил сушиться под ультрафиолетовую лампу.

Мунь был так сосредоточен, что Феликс невольно залюбовался им. Надо же, такой маленький и смешной человечек может быть таким целеустремленным, уверенным, жестким.

Азиат оценивающе посмотрел на Феликса, взял небольшой лоток и сунул ему в руки. Затем он осторожно удалил пинцетом кусочек подсохшего мха с бревнышка, положил в лоток, а затем протянул инструмент Феликсу. Феликс даже пискнул от радости, что наконец ему что-то доверили, и под чутким руководством начал удалять всякий растительный сор вроде засохших листиков, мелких веточек. Мунь одобряюще похлопал его по плечу, затем посмотрел на часы, взял серебристый скотч и куда-то улетел.

Феликс закусил кончик языка, продолжая работать. К возвращению Муня он собрал две горсти, не меньше. Азиат довольно хмыкнул, кинул в лоток десяток каких-то фотографий, положил поверх кору и оставил Феликса со всем этим добром. Сам он залез в щиток под аквариумом, в котором плавали маленькие прозрачные рыбки, и начал там копать.

– Мунь, я тут подумал, это же не просто аквариум. Это аквариум в аквариуме! Мы же тоже своего рода рыбки, только плаваем в воздухе.

Мунь что-то буркнул, отсоединяя баллон с кислородом. На приборной панели загорелись красные лампочки.

Азиат улыбнулся, снял со стены какую-то ручку с квадратным отверстием, забрал у Феликса лоток и кивнул ему на холодильную камеру. Феликс обернулся и посмотрел на дверцу.

– Взять что-то? А что? – обратился он к Муню, но тот уже скрылся за шлюзом. Пслышался звук запираания замка. Феликс подлетел к иллюминатору, стуча по стеклу.

– Ты меня закрыл! Эй!

Но азиат уже находился в глубине коридора, старательно откручивая болты какого-то щитка в стене.

– Эй! – крикнул Феликс, но Мунь его уже не слышал.

Азиат возился в щитке, скотчем клеил кору к проводам. Это выглядело довольно странно. Затем Мунь снял с шеи палочку-амулет, вставил в углубление коры и начал растирать в ладонях.

– Эй! Китаеза! Открой, говорю! – По спине пробежался неприятный холодок.

Память подсказывала Феликсу, что там находится что-то важное из разряда «даже близко не подлетай». Мунь старательно крутил палочку, и вскоре Феликс увидел, как от деревяшки идет едва заметный дымок. Если сработает пожарная сигнализация, это еще ничего, но если камеры засекут открытый огонь, то система автоматически отстыкует все модули. Феликс останется один в космосе.

Нужно было срочно выбираться, но как? На помощь снова пришла его феноменальная память. На случай сбоя автоматики в шлюзе предусмотрен ручной механизм открывания. Феликс отстегнул отвертку со стены, открутил внешнюю часть замка и обнаружил квадратный стержень, который напомнил ему юность, его первые гастроли на железнодорожных поездах. Там на дверях купе были похожие замки. Феликс застонал, понимая, что за ручку Мунь унес с собой.

Чтобы отпереть замок обычным инструментом, нужна огромная сила. Феликс чуть было не расплакался от обиды, но быстро вспомнил, что он только в душе нежная и ранимая фиалочка, а душа эта обитала в теле огромного и сильного мужика.

Феликс схватил гаечный ключ, подогнал его под штифт и попробовал навалиться всем телом. Но в невесомости все было иначе. Блестящая задница Феликса поплыла вверх, гаечный ключ соскользнул, и Феликс, ухватившийся за ближайшую скобу, впечатался лицом в иллюминатор.

Мунь продолжал разводить огонь с усердием, на которое был способен только истинный азиат. От деревяшки уже исходил белесый дымок. Мунь осторожно подкладывал к искрам сухой мох и кусочки бумаги, давая куполообразному пламени разгореться.

– Ах, ты... неандерталец хренов. Сейчас я...

Феликс никак не мог приноровиться к замку, который явно был придуман человеком, никогда не бывавшим в настоящей невесомости. Надо бы отправить его сюда самого, если это «сюда» еще останется, потому как чертов Мунь уже успел развести маленький огонек. Казалось бы, что в этом страшного? По-хорошему, на станции даже с зажигалкой сложно учинить пожар. И тут Феликс наконец сообразил, зачем Муню этот маленький баллончик. Кислород мог усилить пламя так, что даже металл будет гореть.

Перед глазами Феликса начала пролетать вся его жизнь, но быстро застряла на мучительных годах, проведенных у станка в балетной школе. Он вспомнил, как над ним смеялись и шпыняли. Каким стеснительным и одиноким он был. Как учителя нещадно пресекали его импровизации, не давали выступать в красивых костюмах. А еще он вспомнил свой коронный шпагат. И тут Феликса осенило.

Схватившись двумя руками за гаечный ключ, Феликс изящно взбрыкнул ногами, немного побарахтался, а затем нащупал ступнями стенки отсека. Говорят, что мастерство не пропьешь, но Феликсу удалось доказать, что его также и не прокуришь, не проколешь и не пролюбишь. Спустя столько лет ему удалось сесть, точнее, повиснуть в шпагате. Феликс со всей силы надавил на ключ, и люк открылся, сопровождаемый громким треском разошедшихся

штанов. И как раз вовремя, потому что Мунь распечатал баллон, направил его на робкий огонек, и тот мгновенно превратился в огромное пламя, пожирающее щиток.

На станции сработала сирена, модуль за спиной Феликса задрался, и началась экстренная отстыковка отсеков. Облегчение от того, что Феликс не окажется в космосе один, быстро сменилось паникой, потому что едва ли лучше находиться в отсеке со сбрендившим тибетским камикадзе. Нужно было срочно что-то предпринять, пока Мунь не заметил его.

Феликс подлетел к камикадзе со спины, но так и не понял, как и с какой стороны брать его в захват. Сцены из боевиков в голову не лезли, а последний фильм, который он посмотрел, был «Белое солнце пустыни». Там ничего о боевых искусствах не было, зато был Верещагин, который мог вырубить противника одним четким ударом по куполу. Феликс решил поступить так же и обрушил свой кулак на блестящую лысину Муны.

Мунь вскрикнул от неожиданности, выпустил из рук баллон и кору дерева. Мунь и Феликс разлетелись по разные стороны отсека. Пламя в щитке перестало бушевать, но огонь не потух, он приобрел зловещий синий оттенок. Система вентиляции отключилась, и черный едкий дым уже собирался в углу. Мунь сгруппировался, оттолкнулся ногами и полетел в сторону Феликса. Узкие карие глаза буквально впились в певца. Из груди Феликса вырвался тихий писк. Он начал отчаянно карабкаться по скобам к огнетушителю. Мунь настиг его, когда Феликс дотянулся до шланга. Проворный азиат лазал по скобам, как паук. Словно всю жизнь провел на лианах и воспитывался обезьянками. Он схватил Феликса за волосы и сунул его голову в облако дыма. Легкие обожгло, а вытаращенные от ужаса глаза резануло так, будто кто-то насыпал туда битого стекла. От слез Феликс ничего не видел и полностью потерял ориентацию в пространстве. Он забился в руках Муны, понимая, что вот-вот потеряет сознание. И хоть на Земле Феликс был в два раза больше и раза в три сильнее, в невесомости его преимущества не работали.

Он старался выбраться и не наглотаться дыма, но у него ничего не получалось. Мунь, как и Феликс, не собирался сдаваться, потому первым сдался бережно пересаженный врачами курчавый чубчик, который Феликс так берег. Капсулы с волосами не выдержали. Лысый Мунь, далекий от таких проблем, несколько секунд хлопал глазами, смотря на вихор, оставшийся в его цепких пальцах, а Феликс, кашляя и обливаясь слезами, схватил плавающий в воздухе баллон с кислородом и со всей силы ударил Муны по голове. Узкие глаза тибетца сошлись на переносице и закатились. Тело обмякло и поплыло по отсеку.

Феликс схватил пожарный шланг и потушил пламя точно так, как учили его в Звездном городке. Затем включил вентиляцию на режим очистки и, подхватив Муны под руки, поплыл с ним к капсуле для релаксации. Там он и обнаружил связанного скотчем Тимонова, который был похож на очень злую мумию. Увидев Феликса, он вытаращил глаза и отчаянно замычал.

Феликс хотел поведать ему историю своей героической победы над тибетским камикадзе, припомнить все издевательства и затребовать извинений, но из горла вырвалось испуганное: «Это не я, я ничего не трогал».

* * *

Прошло минут десять, прежде чем Феликс решился сунуться в рубку управления. Он очень боялся услышать плохие новости, что-то в роде «кислорода не хватит на двоих», «значит, мы умрем» или еще что-нибудь не менее ужасное. Но немного посидев в одиночестве, Феликс решил, что рядом с капитаном ему будет спокойнее.

Тимонов сидел за панелью управления, смотрел на экран и отстукивал пальцем азбуку Морзе. Иногда он вздыхал, цедил проклятья сквозь зубы. Наконец откинулся на спинку кресла и потер лицо руками.

– Что происходит? – испуганно спросил Феликс. – Мы умрем?

Тимонов посмотрел на него тяжелым взглядом и ответил:

– Пожар в распределительном щитке коммуникационной системы лишил нас связи. Отстыкованные модули общаются между собой, но нас не слышат.

– Значит, все живы? – с облегчением выдохнул Феликс.

– Если нам не удастся состыковаться, то ненадолго, – буркнул Тимонов, не отрывая взгляда от мониторов. На одном в режиме реального времени строились орбиты модулей, постепенно отдаляющихся друг от друга в разных направлениях. Над некоторыми то появлялись, то исчезали предупреждения о возможном столкновении с другими космическими объектами.

– Разве мы можем куда-то врезаться?

– По отдельности модули менее маневренны, чем вместе. Из-за дрейфа они рано или поздно во что-нибудь врежутся, и начнется эффект Кесслера.

Феликс нахмурился, напрягая память.

– Типа бум, бах – и миллиарды осколков на огромной скорости крушат все, что пытается вылететь с Земли?

– Бум, бах. – Тимонов снова начал отбивать что-то азбукой Морзе. Один из модулей начал приближаться к главному отсеку, но через минуту даже Феликсу стало понятно, что пазл не складывается.

– Черт, слишком медленно! Слишком! – Тимонов стукнул рукой по подлокотнику, отстегнулся от кресла, полетел к выгоревшему щитку и начал там копать. Судя по грязи на руках, он делал это уже не в первый раз.

– Ну, мы же можем все починить! Пару часов – и все готово.

– За пару часов модули будут слишком далеко.

– А связь с Землей? – без особой надежды спросил Феликс.

Тимонов отрицательно покачал головой и стукнул кулаком о колено.

– Вот же гадство! Мы знаем, как их состыковать, а передать им инструкции для двигателей не можем.

Феликс осторожно взял в руки планшет с морзянкой.

– Я могу диктовать, а ты отстукивать.

– Получается слишком долго. Пока я передаю команду, орбита модуля успевает измениться. Если бы можно было работать в режиме реального времени...

Феликс умолк, смотря на большой прозрачный купол центрального модуля.

– Непонятно объяснил? – спросил Тимонов.

– Понятно, а они могут видеть нас через купол?

Тимонов оторвался от щитка и посмотрел на Феликса.

– Могут. Но язык жестов поймут не все, а двигатели попеременно включаются на все триста шестьдесят. Это как надо вертеться, чтобы все показать?

Феликс расплылся в широкой улыбке.

– Не забывай, рядом с тобой звезда танцевального небосклона. Мне нужны два фонаря и палка.

* * *

Инженер Джонсон сначала не поверила своим глазам. В куполе центрального модуля зажглись яркие огни, словно кто-то устроил внутри дискотеку. Она приблизила изображение и удивилась еще больше, разглядев в центре серебристую фигуру.

– Это Феликс, посмотри! – крикнула она напарнику, и оба прилипли к монитору. – Что он делает?

В этот момент от Тимонова поступила очередная морзянка.

– Нас просят подтвердить визуальный контакт с семафором и готовность следовать указаниям.

– Подтверждаю, – сказала Джонсон и положила руку на рычаг управления. – Мне кажется или там стоит стриптизерский шест?

– Похоже на то. Капитан говорит синхронизировать двигатели с фонарями.

– Какими?

В этот момент серебристая фигура театрально взмахнула руками, и в них зажглись два ярких огня. Феликс театрально поклонился и начал свое шоу. Он ловко вертелся в невесомости, передавая инструкции в режиме реального времени.

Джонсон не ошиблась, он правда двигался вокруг импровизированного шеста, да еще и под музыку. Соврал Тимонову, что без нее ничего не получится, и наслаждался. Внутри купола были развешены метки, понятные только капитану, зато рядом были буквы.

– Фонарь на «А», фонарь на «Ж», пауза, – командовал Тимонов, стараясь не поднимать глаз на певца. Через пять минут Феликс впервые услышал смех капитана.

– Получилось?

Тимонов с улыбкой посмотрел на него, а потом снова натянул суровый вид.

– Не отвлекайся! Итак, следующий модуль – инженерный.

* * *

На пресс-конференции был аншлаг, вопросы сыпались на космонавтов со всех сторон. Но больше всего внимания, конечно, привлекал Феликс, который по такому случаю нарядился в шикарный бархатный костюм с вышитыми звездами и расположился на кресле, нарочито медленно и лениво отвечая на вопросы.

– Да, по итогам мы, конечно, сделаем клип. Подробности вы узнаете у моего импресарио Агаты.

Феликс кивнул пышногрудой блондинке, которую временно повысил в должности, пока не найдет нормального работника-мужчину.

– Следующий вопрос.

– Феликс, неужели в поведении Мунь Луна не было никаких тревожных звоночков?

– Никому и в голову не могло прийти, что он верит в эту чушь с древними пророчествами! Узко... космонавт как космонавт.

– Говорят, на обучении вы с ним дружили.

– Кто? Я?! Следующий вопрос!

– Вы знаете, что в Тибете его считают героем, который попытался помешать исследованию космоса и тем самым спасти человечество!

– Это ненадолго. Чтобы быть героем, нужно обладать особым шармом, – сказал Феликс и пригладил свою свежепересаженную шевелюру.

Краем глаза он заметил, как Тимонов встает со своего места. Капитан не умел купаться в лучах славы и наслаждаться всеобщим вниманием. Он спешил поскорее уйти, чтобы присоединиться к остальным членам команды, собиравшимся жарить шашлыки. В других обстоятельствах Феликс бы остался с журналистами еще часа на два, сделал бы пару скандальных заявлений, оскорбил бы двух-трех женщин и африканского гомосексуалиста для верности, но он тоже был приглашен к столу. И пригласил его лично Тимонов, как тут отказать?

– Последний вопрос, Феликс!

– Ну, задавайте, – сказал певец, поднимаясь с кресла.

– Какие ваши дальнейшие планы? Куда вы двинетесь дальше?

Феликс лучезарно улыбнулся.

– Назад в космос, конечно же!

Людмила Макарова. Колесо «Антарес»

Вентиляционные тоннели опутывали станцию сетью ходов, скрытых между внутренней и наружной обшивкой. Здесь было жутковато. Впереди мигали одинокие световые маячки. Луч налобного фонарика выхватывал из темноты шевелящиеся пятна очищающего геля, скользившего по стенам. Ровный ток воздуха свистел в ушах, и этот шум смешивался с глухим угрожающим гулом.

Лица еще немного проползла вперед на четвереньках, уперлась в частую решетку фильтра, перегородившую узкий проход, и попятилась. Развернуться было негде, казалось, что тоннель позади все время удлиняется и будет удлиняться вечно... Лица подумала, что останется здесь навсегда, рванула назад изо всех сил и вывалилась из овального окна воздухозаборника, расположенного под низким потолком.

- Ай! Не считается, – сказала она, вставая с пола и потирая ушибленный локоть.
- Чего ты орешь! – зашипел Дин. – Все считается.

Он поставил решетку на место, достал из кармана снятые болты и один за другим прикрутил их маленьким жужжащим инструментом.

- Ты говорил, там целые километры вентиляции, даже шахты есть!
- Вот и лезла бы дальше. Сама же испугалась.
- Я не испугалась. Я уперлась в фильтр!

В коридоре слышались шаги и шум голосов.

- Бежим! – Дин сунул жужжащий «мультигул» в карман и схватил ее за руку.

Они промчались по узким коридорам технического этажа, проскочили окна смотровой галереи и влетели на территорию школы. У Лици колело в бок. У нее были перепачканы ладони и коленки, а к ботинку прилип шматок очищающего геля, который зажевал штанину. Пока Лица его отдирала, он издавал чавкающие звуки и лип к манжетам.

- Трусиха, – сказал Дин.

Это было ужасно обидно. Но еще обиднее было, что Лица в самом деле испугалась. Она проглотила слезы, наворачившиеся на глаза, и швырнула липкий комок в мусоросборник, стоявший возле спортивного уголка.

– Ничего я не трусиха! Нельзя портить воздушные фильтры. Это угрожает безопасности станции, – сказала она с папиными интонациями в голосе.

- Лишка-трусиха!
- Мне просто стало неинтересно!

Дин ковырнул покрытие носком ботинка и понизил голос.

- Ты все равно не пойдешь туда, где интересно.
- Куда это?
- На Колесо.

– Ух ты... – Лица тоже понизила голос до шепота. – Кто тебя туда пустит...

– Контрольные тесты по физике за триместр сделаешь? – предложил Дин. – Я тебя возьму, так и быть.

Это была достойная цена. Очень достойная. Лица училась на год младше Дина. Несмотря на то что задачи повышенной сложности она щелкала как орешки, с программой следующего класса она могла и не справиться. Сегодняшняя экскурсия в вентиляционный тоннель стоила ей всего нескольких домашних заданий, которые Дин не завалил только благодаря Лице. Но Колесо... И шанс избавиться от этой проклятой «трусихи»...

Ах, если бы можно было отмотать время назад и снова оказаться в вентиляционном тоннеле! Лица бы не слушала жутковатый шум и стук своего сердца. Она бы аккуратно сняла фильтрационную решетку, проползла вперед, убедилась, что там нет ничего интересного, не

спеша выбралась (конечно, поставив фильтр на место!), небрежно отряхнула бы руки и свысока заявила бы Дину: «Ерунда! Я так себе это и представляла».

– Ты правда, знаешь как туда пройти?!

– Тс-с!

Дин провел большим пальцем по горлу, мол, голову на отсечение, и сказал:

– Я тебе тест скину. Решешь за три дня – поговорим.

Ли́ка с Ди́ном знали друг друга сколько себя помнили. Как и почти все дети на Станции, которая висела между Землей и Луной. То есть не висела, конечно, а мчалась вместе с ними вокруг Солнца. Папа рассказывал Лике, что первоначально Станцию строили как базу, с которой легче отправлять космические корабли к окраинам Солнечной системы. Тогда на Земле была эпоха бурного освоения космического пространства, которая закончилась встречей с инопланетянином, чуть не миллион лет проспавшим в поясе астероидов. Люди назвали инопланетянина Гриди. А как он сам себя называл, никто не знал.

Если бы у Гриди были страшные жвалы, хитиновый панцирь, драконье тело или хотя бы зеленые щупальца, боевые модули землян разделились бы с ним в день встречи, и он никогда бы больше не сунулся на окраину Млечного Пути.

У инопланетянина не было зеленых щупалец. В неактивном состоянии он представлял собой информационный сгусток. Так получилось, что чуждая форма жизни собственной формы не имела.

Больше всего Гриди напоминал компьютерный вирус, с той разницей, что вирус можно было выключить или сжечь вместе с компьютером, а Гриди – нет. Он портил одновременно софт и железо, форматировал и перестраивал под себя то и другое. Он встраивался в нейросети космических кораблей, а сами корабли перестраивал в деформированные угловатые конструкции, точно лишайником покрытые пятнами солнечных батарей. Он мог за один раз выбросить тонны горючего через дыру в корпусе, чтобы направить к Земле то, что осталось от звездолета. Или к Марсу. Или к базе на Луне, или к любому другому крупному объекту, где есть самообучающиеся компьютерные нейросети и инфраструктура. Ученые так и не смогли определиться, чем или кем считать Гриди: компьютерным вирусом или существом.

Перегрузок Гриди не боялся. Стрелять по нему или резать его лазером означало получить его копию в каждом обломке, которые врежутся в другие корабли или упадут на поверхность планет.

От полного уничтожения человечество спасло то, что Гриди не умел передавать сам себя на расстояние. Чтобы завладеть чужим имуществом, ему требовался непосредственный контакт с объектом. Железо и софт. Только так.

Несмотря на то что для растений, людей и животных Гриди не представлял непосредственной опасности, они просто не могли выжить в захваченных им звездолетах и орбитальных станциях. А для тех, кто выжил на Земле, наступил каменный век, эпоха грубой механики, лошадиных сил и ветряных мельниц.

С борта Станции земные города, захваченные Гриди, выглядели огромными темными проплешинами, в которых при увеличении можно было рассмотреть неровные гребенчатые пирамиды и уродливые щупальца, тянувшиеся по бывшим автобанам, мостам, многоуровневым развязкам и железным дорогам. Гриди не был воином, и он не собирался устраивать землянам геноцид. Теперь он просто тоже жил на этой планете в свое удовольствие. В космосе ему приходилось несладко.

Большие расстояния, маневренные корабли землян, Станции, которые научились защищаться, системы наблюдения и оповещения и топливные болванки без всякой электроники, которыми стреляли по объектам, зараженным Гриди, сбивая их с курса, а при удачном стечении обстоятельств отправляли прямо на Солнце.

Гриди в космосе проиграл и постепенно сдавал позиции. Но он получил в свое распоряжение всю инфраструктуру на поверхности тех планет, до которых смог дотянуться: Лунную базу, крупнейший купольный город на Марсе и почти всю Землю. И в каждом осколке метеорита или захваченном городе он оставался все тем же Гриди – туповатым космическим жадной, всегда готовым воспроизвести себя любимого в новом объекте. Наверное, Гриди считал себя совершенством. Но в его психологии земляне так и не разобрались.

– А вдруг он научится передавать себя по радиоволнам? – как-то спросила у папы маленькая Лика.

– Не научится, – сказал папа.

– А если он начнет захватывать живых существ или растения?

Накануне этого разговора компания ребят постарше здорово напугала Лику страшилками про живого Гриди, который мутировал и ест людей, расползаясь по станции, как очищающий гель – по вентиляции.

– Не начнет.

– Почему?

– Гриди – это технологический сорняк, Лика, – улыбнулся папа. – Он космический лентяй и двоечник. Не желает узнавать новое, не умеет дружить, и до него все доходит через миллион лет, потому что он не хочет учиться. Так что садись за уроки, не будь как Гриди.

Лике очень не хотелось быть как Гриди. Она хотела быть смелой, как папа и его друзья – боевые пилоты подразделения внешней обороны Станции. Но как раз с этим у Лики, когда она стала постарше, возникли серьезные проблемы. В отличие от Дина. У него-то со смелостью все в порядке. Он в такие места лазил...

– Сегодня в семь, – сказал Дин. – Или опять будешь врать, что мама не отпустила?

– Я тогда не врала! А мама дежурит в медблоке, ее сегодня вообще дома нет.

Лика с Дином стояли на смотровой галерее. Раньше, когда Станцию только построили, здесь, наверное, было очень красиво. Настоящий космос за окошком. А сейчас в панорамных окнах торчали бесконечные фермы, балки, стыковочные узлы и модули. Скоро галерею совсем закроют и превратят во что-то более полезное. От нее и так осталась одна треть. Станция давно уже разрасталась не по проекту.

Если разведчики находили в космосе летательные аппараты, не зараженные Гриди, они буксировали их к Станции и пускали на нужды космического города. На Землю людям путь был заказан из-за угрозы непосредственного контакта Гриди с нейросетями звездолетов и бортовыми компьютерами спускаемых аппаратов.

Астероидов после того, что случилось, тоже побаивались. Спасибо предыдущим поколениям, аж до Юпитера и Сатурна Вселенная была нашпигована спутниками связи и разнообразной техникой, вплоть до старых транспортников, круживших на орбитах захоронения. Разведчики из группы «Космопоиск» рассказывали, что видели неподалеку от Марса даже настоящий четырехколесный автомобиль, дырявый и помятый, как консервная банка. Теперь все это превратилось в ценный ресурс. Пожалуй, кроме автомобиля...

В отличие от Гриди люди учились быстро.

Первый шок и боязнь прикоснуться к любому каменному обломку или куску металла и пластика, где есть хотя бы примитивная печатная плата, давно прошли. Добытая в космосе техника тщательно исследовалась, затем пристыковывалась к Станции через специальный карантинный коридор – длинную трубу без электроники со шлюзовыми люками, открывавшимися вручную, затем подключалась к автономным источникам энергии, проверялась повторно и после этого становилась полноценной жилой секцией, ремонтной мастерской, стартовой площадкой или лабораторией.

Колесо притащили из пространства несколько месяцев назад, его карантинный срок подходил к концу. На самом деле Колесо – это была только часть биологической лаборатории,

смонтированной в космосе. Оно вращалось, создавая искусственную силу тяжести, в нем располагались оранжерея и жилой отсек.

Сидело Колесо на толстой оси, на один конец которой выводились коммуникации под разгонный блок, и туда можно было цеплять двигатели, а на другом находились компактные роботизированные цеха по переработке продукции, энергоблоки и научные лаборатории.

Со смотровой галереи сквозь нагромождение конструкций был виден только верхний край Колеса и часть антенны, торчащей на дальнем конце оси. Благодаря этой антенне лабораторию удалось отыскать.

– Здоровая штука, да? – сказал Дин. – Крысу можно на решетке локатора зажарить.

Лица поперхнулась.

– Это передающая антенна, которая сейчас выключена. Ничего не излучает, – сдавленно ответила она и вздохнула с облегчением. Воображаемая крыса была спасена. – Десятый вопрос твоего теста, между прочим...

Дин хмыкнул, уловив мстительные интонации, но благоразумно промолчал. Четверка по физике оказалась совсем не лишней.

– Через неделю Колесо для всех откроют, – продолжала осмелевшая Лица.

– В дальних отсеках все равно будет невесомость, нас туда не пустят. Только с восемнадцати лет. А то вырастешь дылда дылдой без гравитации и станешь похожа на космическую паучиху.

Лица презрительно фыркнула и показала Дину язык. За несколько часов невесомости с ней, конечно же, ничего такого не случится. Дин изобразил беспомощного паука, а Лица – дохлую космическую паучиху.

– А интересно, нашей гравитации хватило бы, чтобы мы запросто ходили по Земле? – спросила Лица.

– Ты что, хочешь туда слетать?

– Н-ну... да.

– Техники в мастерских говорили, там оставшиеся люди до сих пор воюют. Я сам слышал.

– С Гриди?

– Балда. Друг с другом.

– А зачем?

– Не знаю. Еды мало и места тоже.

– Так и у нас...

– Значит, потому что дураки. Я не хочу на Землю.

– Ну и я не хочу! Оттуда сейчас не взлететь обратно, не на чем и неоткуда. Гриди же все космодромы сожрал, даже морские платформы. Я просто так. Посмотреть.

Лица вспомнила кадры хроники, на которых искореженный Гриди самолет падал на грузовой терминал морского порта, превращая его в очередной кусок безразмерного тела пришельца.

– Пойдем отсюда, Лишка.

– Где встречаемся?

Дин развернул схему Станции и ткнул пальцем в закуток технического этажа.

Самый главный враг всех несовершеннолетних сталкеров Станции – это камеры. Если не знать, что, во-первых, часть камер – это никакие не камеры, а муляжи, которыми только малышню пугать. Во-вторых, большинство из них давно выработало ресурс и обслуживается от случая к случаю, потому что на Станции взрослым есть чем заняться, кроме как шпионить друг за другом. А в-третьих, рабочие камеры всегда стоят на стартовых комплексах, у водозаборников, пищеблоков и вблизи ключевых узлов систем жизнеобеспечения и обороны. И туда лучше не соваться, чтобы «не огрести», как говорит Дин. А Дина учил старший брат. Раньше

учил, теперь он у него космический разведчик, работает на звездолетах «Космопоиска». Должен был вернуться еще две недели назад. Дин за него здорово переживает, хоть и не говорит.

На Колесо потихоньку завозилось оборудование. Тележки-электрокары закатывали туда все, что пригодится в первые дни полного восстановления. Пока все то, что не требовало сложной электроники и мощных источников энергии. Питьевую воду, стройматериалы, простые инструменты, работающие на гидравлике, обогащенный грунт, семена и самые неприхотливые саженцы для оранжереи, кислородные шашки и фильтры углекислого газа – тоже пока без электронной системы регуляции. Ее роботы Станции сделают в пять минут, как только группа монтажа получит окончательное разрешение. А когда Колесо подключат к нейросети, вместо временной заработает постоянная система рециркуляции воздуха.

Еще в тележках ехали комплекты питания. И скафандры. Совсем не те высокотехнологичные костюмы, что есть в жилых блоках у каждого жителя космической Станции. Жутковатые серые оболочки без встроенных компьютеров и съемных шлемов. Застегивались они целиком, до щелчка, на специальную молнию с кольцом, которое можно ухватить рукой в перчатке. Химический подогрев, допотопное водяное охлаждение, механические часы и два термодатчика. Вот и вся начинка.

Дыхательная смесь из баллонов постоянно заполняла такой скаф изнутри, он держал давление почти в две атмосферы. Лишнее давление сбрасывалось через механический клапан. Раздуться в шар скафандру не давал сам материал и ребра жесткости.

Продержаться в таком аварийном комплекте можно было недолго. Зато в нем никакой Гриди не страшен. По крайней мере так Лике и ее одноклассникам объяснял инструктор на уроках ОБЖ. Уроки ОБЖ Лика очень любила, потому что далеко не все предметы вели у нее настоящие живые учителя.

– Вы и так для Гриди невкусные, а в таком виде вдвойне, – заверил ребят инструктор. – Компьютеров у вас нет, из источников энергии – только батарейка рации и аварийного маяка. Для Гриди это мелочь, не заслуживающая внимания. Смело включайте, как только убедились, что не контактируете с пораженным объектом. И вас обязательно подберут.

Лика тогда подумала, что он просто не хочет их пугать, и с сомнением спросила:

– А кто нас подберет?

– Команда спасения. – Инструктор посмотрел на Ликю очень внимательно. – Если Гриди объявится, я тоже в ней буду. И я без вас отсюда точно не улечу. Лучше обратите внимание на специальные вставки-гармошки на коленях, локтях и на поясе. С их помощью можно отрегулировать ваш скафандр по росту.

Лика потрогала рукой смотровое стекло верхнего скафандра. Свернувшись калачиком, она уместилась между стопками аварийных комплектов и с тревогой поглядывала на незакрепленный край тента, из-под которого пробивался мелькающий свет. У Дина-то в соседней вагонетке наверняка все в порядке. А у Лики от волнения шнурок выскользнул из рук. Мало того что тележка с аварийными скафандрами и Ликой подозрительно переполнилась, так еще и груз должным образом не привязан.

Впереди что-то зашипело и заскрипело, раздались голоса. Притормозивший мини-поезд снова задрезжал, защелкал и покатился через шлюз. Кто-то ругался вслух. Сзади механически простонал и бухнул внутренний люк. Вагонетка проехала вперед, щелкая все реже и реже, и с громким лязгом ткнулась в хвост предыдущего мини-поезда. Удар был чувствительный. Лика чуть не ободрала щеку о жесткую гармошку скафандра.

А потом наступила тишина. Совсем не такая, как на Станции. Мертвая. Шипящая временной системой подачи воздуха. Пустая и гулкая.

В этой тишине Лике казалось, что вокруг ходит кто-то из техников, топая магнитными ботинками.

– Лика, ты здесь? Чего не вылезает? – спросил Дин и легонько стукнул по вагонетке.

Она вздрогнула, откинула край брезента и спрыгнула на пол.

– Ой. Сила тяжести меньше, чем у нас. И... темно! Ух ты...

Цепочка вагонеток с оборудованием терялась в полумраке аллеи. Вокруг в тусклом освещении раскинулся заколдованный лес. За то время, что биостанция проработала в автоматическом режиме, оранжерея превратилась в настоящие джунгли. Больные джунгли. Местами кусты и деревца вымахали до потолка, а местами высохли до состояния мумий. Белковые блоки, похожие на большие пудинги, торчавшие из подсохших емкостей с питательным раствором, покрылись толстой коркой. Их, наверное, придется выбросить.

Лица постукала костяшками пальцев по жесткой корке и посмотрела на красную маркировку на стене. «Сегмент PL-16/15, станция «Антарес». Да уж, не повезло сегменту. Но блоки все-таки не так жалко, как живые растения.

Дин подошел к ближайшему мумифицированному участку и отломил хрусткую веточку.

– Наверное, система полива плохо работала. А починить некому. Вон там вроде все нормально, – он кивнул на соседний участок, где подрагивали листьями живые заросли.

– Дин... А тут точно никого нет? – спросила Лица, невольно понизила голос и оглянулась.

– Точно. Сейчас даже у шлюза никого нет. Я проверял. Техники партию груза отправляют и уходят новую собирать. Так что вылезем обратно – никто не заметит.

– А Гриди? – совсем тихо спросила Лица. – Колесо – это же не мертвая станция. Она работала в пространстве, когда ее нашли. Вдруг он до нее добрался раньше наших разведчиков? И притаился.

– Гриди бы тут все съел и переварил сто раз.

– А если он маленький? Как тот, самый первый, который на астероиде исследовательский челнок заразил? Он тоже почти полгода спал. Сначала только компьютеры немного глючили, а потом вся нейросеть отключилась, когда челнок к базовому кораблю причалил...

– Нет здесь никакого Гриди. Иначе бы Колесо не запустили.

– Вот он как раз эту энергию сейчас ест и постепенно просыпается.

– Не пойдешь со мной ось смотреть? – прищурился Дин.

– Я просто так спросила.

Лица вздохнула и расправила плечи.

Они включили фонарики, теряя вес, прошли к центру Колеса, где был переход внутрь оси, подобный тому, через который с противоположной стороны закатывали оборудование, и, подтянувшись за скобы, заглянули внутрь длинного коридора.

Честно говоря, Лица думала, что будет интереснее. Единственное, что показалось ребятам необычным, – это продолжение оранжереи. На потолке ветвились и переплетались стебли растений, которые хорошо себя чувствовали в условиях невесомости. В ботанике в отличие от физики Лица была не очень сильна. Она опознала только кустики генно-модифицированной жимолости.

Собственная линия освещения здесь едва теплилась, фонарики оказались не лишними. Вдоль прохода располагались двери и люки, ведущие в лаборатории и мини-цеха обработки. Длинный коридор в дальнем конце упирался в тяжелые двери, за которыми скрывалась пультовая локатора. Все это Лица и Дин сто раз видели. Они покувыркались в невесомости, полосуя поблекшую зелень и унылые стены яркими лучами фонариков, и вернулись в оранжерею, где благодаря вращению Колеса была сила тяжести.

Дин нашел странные пальмы. Срастаясь стволами, они образовывали невысокие арки, на которых росли зонтики листьев. Пальмы выглядели скорее не как деревья, а как какое-то строение или причудливый волосатый забор. Лица с Дином немного поспорили – кокосовые они или банановые. В оранжерее еще было слишком холодно и темно, деревья не плодоносили. Пожелтевшие листья на ощупь оказались жесткими, как пластик.

– Как думаешь, оживут? – спросил Дин. – Их же специально для космоса выводили. Помнишь, наши биологи говорили, что некоторые сорта впадают в анабиоз, как амфибии?

– Не знаю. Но здорово, если оживут.

– А это что?

Дин присел на корточки. Лица подошла ближе. В зернистом грунте, больше похожем на грязный снег, прямо у низкого столбика системы контроля лежал плотный белесый шар. Он выглядел туго надутым. От него к пальмам вдоль толстого силового кабеля протянулись липкие нити.

У Лики словно что-то оборвалось внутри.

Гриди, который научился!

Сообразил, что информация и ее вместилище – это не только мертвая материя, нейросети станций, компьютеры и базы данных. Если Гриди понял, что люди, растения и все биологические структуры – это тоже своего рода компьютеры, он превратит в Гриди все, что попадется на пути.

Дин поднялся, взял Лику за руку, и, затаив дыхание, они пятились вдвоем, пока Дин не уперся спиной в волосатый ствол арочной пальмы.

– Он сидит на источнике энергии, – прошептала Лица. – Раз растения не умерли, значит, все это время система контроля работала в режиме экономии.

– Слабوتочка, – так же шепотом откликнулся Дин. – Ему этого мало, он ждет. Как только дадут энергию, дотянется до пальм...

– Бежим на Станцию! – взвизгнула Лица.

Дин бросился за ней, обогнал ее у вагонеток, вдруг резко затормозил и снова схватил ее за руку, вынуждая перейти с бега на шаг.

– Стой! Лишка, стой. А вдруг мы уже заражены? Мы притащим его с собой! Нам с тобой нельзя на Станцию. Нельзя домой, понимаешь?!

– Нам нельзя домой, – эхом повторила Лица, остановилась, представила, как мама утром приходит с дежурства, и всхлипнула. – Ненавижу этого био-Гриди! Урод.

– Давай отключим аллею от системы контроля, чтоб ему жрать нечего было, – зло сказал Дин. – Тогда до пальм он еще не скоро доползет.

– А потом? – Лица сквозь слезы посмотрела на напарника.

– Не знаю. Поищем рацию, не подключенную к сети Станции, чтобы всех предупредить.

– Передающая антенна, – тихо подсказала Лица и вытерла слезы.

– Да, если она работает, оттуда нас точно услышат, – ответил Дин как можно увереннее. Но дрожащая Лица качнула головой.

– Если она работает... Мы его грохнем, Дин.

– Э-э... Как это?

– Как жареную крысу! – выкрикнула Лица и сжала кулаки. – Подойдет любой материал, проводящий ток. Металл... Не знаю... Любой проводник! Найдем и сделаем ему ловушку.

Лица сунула нос в ближайшую вагонетку. Не то! Она побежала вдоль длинного поезда, периодически подтягиваясь на руках и заглядывая внутрь контейнеров.

– Лица, смотри, что я нашел! Подойдет?

Дин показал тяжелый баллон, похожий на огнетушитель.

«Металлизированное покрытие. Не направлять распылитель на людей и животных» – гласила этикетка.

– То, что надо, – кивнула Лица.

Пальмовую аллею они обесточили в два счета, перерубив кабель, идущий к столбику контроля. Белесый шар превратили в ком из оплившей толстой фольги, израсходовав на него почти весь баллон.

Дин протянул Лике сложенный аварийный скафандр. У скафа имелась ляжка, тащить его все равно было неудобно, но ведь неизвестно, что там с воздухом в закрытой пультовой локатора. Второй скафандр Дин взял себе.

Они снова нырнули в полутемный коридор оси Колеса. Только теперь им было не до игр в запретной невесомости. Цепляясь за скобы, Дин с Ликой пролетели по коридору, как два неуклюжих метеора.

Люк, ведущий в пульт управления, открывался вручную, с ним пришлось повозиться. Пультовая выглядела жутковато. Здесь не горел даже тот жидкий дежурный свет, который освещал другие помещения.

В свете фонариков бликовали плоские прямоугольники экранов и сенсорные панели управления. В противоположном конце тесного шестиугольного помещения со сглаженными углами виднелся наглухо закрытый люк стыковочного устройства. Там поблескивала табличка «Дополнительный стыковочный узел. Не открывать при выключенной сигнализации. Дождитесь команды «Красный код» и звукового оповещения».

– Автономное питание, – прочитал Дин, повиснув у стены возле пульта. – В случае аварии сорвать пломбу.

– Давай, – выдохнула Лика.

– Ничего себе, сорвать. Попробуй отдери! А если бы тут и в самом деле была авария, и по всем коридорам плазма текла... – пропыхтел Дин.

Наконец что-то громко треснуло, он взрезал кулаком по красной кнопке и по инерции отлетел от стены.

Вслед за коротким металлическим вздохом включился верхний свет, заставив Лику зажмуриться. Включился гукающий звук сигнализации.

– *Внимание. Автономное энергоснабжение. Время передачи ограничено. Внимание. Автономное энергоснабжение...* – заговорил механический голос.

Экраны и панели управления вспыхнули, как елочные гирлянды.

– Получилось! Лика, давай в кресла сядем, иначе так и будем от каждого тычка по всей пультовой летать.

Они пристегнулись в креслах операторов.

– Я знаю только, как SOS отправить, – признался Дин.

– И я. Нас тоже на ОБЖ учили, – сказала Лика. – Сейчас кое-кто из инопланетян у нас получит сигнал бедствия... Ой! – Она посмотрела на монитор, где предлагалось ввести координаты. – Как ему объяснить, что надо прицелиться в Колесо, а не в космос?

– Там была маркировка сегмента. Вводи, я запомнил: GV-22/14, станция «Антарес».

– «Антарес» – красивое название. Никогда не буду ее больше Колесом обзывать, – вздохнула Лика.

«Подготовка к работе. Наведение. Недопустимо близкая дистанция. Подтвердите».

«Продолжить», – нажала Лика.

По пультовой прошла тяжкая дрожь, что-то басовито загудело. Огромная передающая антенна над головой пришла в движение, разворачиваясь под нехарактерным углом и наводясь на вращающееся Колесо.

– Антенна сейчас излучает? – уточнил Дин.

– Еще нет. Прицеливается. Вот как прицелится, сразу даст электромагнитный импульс. Он проникнет сквозь корпус станции в наш шар из металла, био-Гриды разогреется там и взорвется.

– Как яйцо в микроволновке!

– Вот именно!

– Как, говоришь, это называется, Лишка?

– Индукционный нагрев. Двенадцатый вопрос теста. Я с ним два дня мучилась.

– Круто! – сказал Дин.

Бумм!

Нижний край антенны уперся в корпус пультовой и со щелчком встал на фиксаторы.

«Начать передачу сигнала?»

– Лика, давай! Ты что?!

Лика уже поднесла палец к сенсорной панели и вдруг отдернула руку.

– Нет. Нет! Корпус Колеса «Антареса» может сработать как клетка Фарадея! Рассеять наше излучение. Гриди ничего не достанется, все в стороны растечется! Сейчас...

– *Внимание. Автономное энергоснабжение. Время передачи ограничено. Внимание. Автономное энергоснабжение. Время передачи ограничено...* – снова заговорил механический голос.

– Дин! Нам нужен модулированный сигнал! Чтобы корпус станции его не спас – этого инопланетного уroda. Сейчас... Да где же оно?!

– Вот! «Модулированное излучение». Это?

– Да!

– Все, есть! Колесо сделало почти полный оборот! Лика! Жми!

«Готов к работе. Начать передачу?»

– Да! – крикнула Лика и изо всех сил прижала палец к вспыхнувшему зеленым сенсорному окошку.

Передающая антенна выдала электромагнитный импульс. Откуда-то из коридора донесся глухой хлопок, кресло, к которому Лика была пристегнута не вплотную, чувствительно стукнуло ее пониже спины.

– Получилось? – неуверенно сказал Дин.

В пультовой вырубился верхний свет. Экраны и сенсорные панели медленно потускнели и отключились. Дин отстегнулся и высунулся в коридор. По нему летали оборванные веточки потолочных растений. В ушах тонко свистел ветер.

– Лишка! Закрываемся. Нарушение герметичности, – крикнул Дин. – Переборки не сработали! Сидим здесь, иначе нас в космос выдует, если дыра будет расширяться.

– Обшивку Колеса «Антареса» пробило! – ахнула Лика.

– Вот это жажнули! Теперь все поймут, что здесь что-то случилось. Колесо отстыкуют! Гриди даже если не сдох, ничего никому не сделает. Крыса жареная!

Они задраили входной люк.

– Дин, мне все равно дышать трудно, – пожаловалась Лика. – И на уши давит.

– Мы здесь запас кислорода израсходовали, наверное. Лезем в аварийные скафандры! Быстрее, пока не уснули.

В невесомости проделать все это оказалось не так-то просто. Двух ознакомительных занятий по ОБЖ маловато.

– Застегнуть до щелчка! – шепотом сказала Лика, кое-как упаковавшись в грубый мешок с баллонами, прозрачным окном и гармошками на локтях и коленках.

– До щелчка, – серьезно повторил Дин, как будто это были самые главные слова на свете.

Смотровое окно немного запотевало, внутри скафандра противно шипело, было жарковато, а в ушах глухо бухало. Лика решила, что ей показалось, что люк стыковочного устройства дрогнул и начал открываться. А может быть, она все-таки начала засыпать, но тут кто-то дернул ее за ту самую лямку, за которую аварийный комплект таскали, когда он был в сложенном виде, запихнул в тесный шлюз, рассчитанный на двух операторов, и припечатал сверху еще одним скафом, внутри которого был Дин.

Дин что-то закричал, но она не разобрала слова. Чтобы переговариваться в аварийных комплектах, нужно было прижиматься друг к другу лбами. То есть смотровыми окнами. А потом открылся наружный люк, и Лику выдернули в космос.

Он оказался вовсе не черным. Он перемигивался габаритными огнями, светил прожекторами и тянулся к Лике толстым фалом, за который ее в мгновение ока втащили лебедкой в другой люк, возле которого красовались огромные буквы «...ОИСК-205».

– «Космопоиск»! – крикнула Лика, но получилось очень сипло, и все равно Дин не услышал.

Еще один воздушный шлюз, еще один люк – и все трое оказались в переходном отсеке. Кто-то рванул снаружи застежку аварийного комплекта. Освобожденной рукой Лика терла глаза и убирала с лица слипшиеся от пота волосы. А потом она несколько раз глубоко вздохнула и вдруг как-то разом поняла, что вовсе не спит. И все это ей не привиделось. Их подобрал звездолет «Космопоиска», возвращавшийся из рейда. Он подходил к Станции и оказался ближе всех к передающей антенне Колеса «Антареса».

– Нет! – отчаянно завопила Лика, с которой стащил скаф седоголовый дядька в форме медика.

– Тимка, нет! – вслед за ней заорал Дин. – Не трогайте нас!

– Мы зараженные!

– Нам нельзя на Станцию.

– Да послушайте же вы!

Но седоголовый и старший брат Дина ничего не захотели слушать.

Через полчаса Дин и Лика сидели на диване в комнате отдыха экипажа, которую по старинке называли кубриком, и пили чай со сладкими брикетами. Во вращающейся части звездолета «Космопоиска» была гравитация. Как в Колесе.

– Здрасьте, – хором сказали ребята, когда туда вошел капитан, и разом замолчали.

Кроме капитана, в кубрике еще были Тим, пилот Римма, которая страховала их в шлюзе и угощала сладкими плитками, и седоголовый бортовой врач, который встречал ребят в переходном отсеке.

– Ну, здравствуйте, – сказал капитан «Космопоиска- 205». – Рассказывайте, чем это вы таким страшным заразились.

Лика с Дином переглянулись, вздохнули и рассказали. По-честному. С самого начала. Капитанам звездолетов не врут.

– Птенчики мои. – Римма погладила по голове Лику, рядом с которой сидела. – А я-то все понять не могла, о чем они...

– Какой еще био-Гриди?! – фыркнул Тим. – Гриди жрет только информацию и высокоразвитую инфраструктуру. Ты, придурок биологический, точно не подходишь! Поумнее ничего придумать не мог в свое оправдание... – зашипел он.

– Стажер, отставить, – строго сказал капитан. – Сантименты тоже отставить, – чуть мягче сказал он Римме. – Дело серьезное. Вы, ребята, поэтому маяки аварийных комплектов не включили? Думали, что команда спасения тоже заразится?

– Да, – хором признались Лика и Дин и переглянулись.

Капитан вздохнул, покачал головой и вызвал ходовую рубку.

– Соедините-ка меня с дежурным сотрудником службы биологической безопасности, – сказал он. – Нам нужна профессиональная консультация.

– А мы разве не причаливаем? – робко спросила Лика.

– Теперь только на буксире, – сердито ответил Тим. – Мы все остатки топлива выжгли, пока маневрировали возле шлюза, вас подбирали. Пристыковываться к карантинным объектам нельзя.

– Заканчивать пора с этой беспризорщиной на Станции, – ворчал седоголовый доктор, пока Лика с Дином разглядывали тугие белесые шары на экране планшета и слушали краткие пояснения биолога. – В прошлом году эти сталкеры малолетние чуть пожар в техническом

отсеке не устроили. Нынче вообще туши свет! Спасибо, сами не покалечились. Пусть из них отряд какой-нибудь сделают, что ли. Эдак ремонтных материалов не напасешься.

Это, конечно, оказался не Гриди. Мутировавший древесный гриб – бич космических оранжерей, где пытались разводить тропические растения. На «Антаресе» среди прочего испытывались новый противогрибковый препарат и новый вид растений, обладающих геном устойчивости. Так что белесый шар играл там скорее роль подопытного кролика.

– Значит, мы просто так повредили «Антарес»... – прошептала Лика.

Ее будущее пилота «Обороны станции» повисло на волоске. Если ко всему, что она натворила, добавятся слезы, пролитые перед экипажем «Космопоиска», с этим прекрасным будущим можно смело прощаться.

– Чья идея-то? – спросил бортовой врач.

– Моя, – сказала Лика, густо покраснела и до боли прикусила губу.

– А кто из старшаков вам подсказал, как на «Антарес» попасть? – подозрительно спросил Тим.

Если бы этот кто-то существовал в реальности, ему бы точно не поздоровилось.

– Никто. Я ее сам провел, – сказал Дин и мотнул головой в сторону Лики. – Между сменами.

– Я сама его попросила.

– Ох, держитесь, птенчики мои, влетит вам обоим по первое число, – вздохнула Римма. Как в воду глядела.

Влетело им по первое число. Директором школы на Станции тоже был не робот. Как и учителем ОБЖ. Но Лику с Дином это не радовало.

Директор, который предварительно переговорил с братом Дина и мамой Лики, держал речь об ответственности, успеваемости, надлежащем применении полученных знаний и о том, что считается на Станции достойным поведением.

Дин переминался с ноги на ногу и ковырял пол носком ботинка. Лика хлюпала носом и представляла, что будет, когда отец вернется из рейда.

– Скажите спасибо капитану «Космопоиска-205», он за вас поручился.

Лика прервала воображаемый диалог с папой, утерла нос и подняла голову. Дин тихонько ткнул Лику в бок и округлил глаза.

– Лично ко мне приходил, – подтвердил директор. – Значит, так... В школе будет сформирован волонтерский отряд по работе на восстановленных объектах. Вы оба зачислены. Первый сбор завтра, внеклассная работа на пищеблоке и в мастерских не отменяется. Подумайте над названием отряда. Шагайте... И смотрите не подведите разведчиков.

Олег Дивов. Один прекрасный день

Катя проснулась счастливой.

Как это прекрасно, когда тебя будит ласковое солнце, заглядывая в спальню, и ты, отдохнувшая, полная сил для нового радостного дня, сладко потягиваешься, зная, что человек создан для счастья, и оно ждет повсюду, а главное счастье – в гармонии с собой, и ты – в самом начале долгого и полного радости пути к себе; впереди множество удивительных открытий в познании себя и еще много-много таких волшебных дней.

Катя повернула голову и посмотрела на свою руку. Как она красива, загляденье просто, и какое вообще совершенное создание человек. Сразу захотелось увидеть это чудо природы целиком. Упруго вскочив с постели, Катя подбежала к зеркалу. Да. Никаких сомнений, она восхитительно хороша. Ура.

– Ура-а! – воскликнула Катя и громко рассмеялась.

Она распахнула окно спальни, выглянула в свой крошечный, но очаровательный садик, игравший всеми цветами радуги в капельках утренней росы, и едва не задохнулась от красоты.

– Привет! – крикнула она роботу-садовнику.

– Доброе утро и счастливого дня, хозяйка, – прогудел тот, и Катя рассмеялась снова.

– Счастливого дня, – повторила она.

Голубое-голубое небо, желтое-желтое солнце, а какие пушистые облака, так и хочется потрогать руками. Мечта. «Мечта-8», если совсем точно, рукотворный рай на границе Пояса Астероидов, такой всамделишный рай, что жители зовут его Бочка-Восемь – надо снижать пафос, а то, неровен час, впадешь тут в полную нирвану.

Ой, да ладно, какая нирвана, когда тебя переполняет желание жить.

Стоя под струями воды в душевой, нежно ласкавшими ее тело, Катя вспомнила, как это было ночью, и порадовалась, что Маркус оказался таким деликатным, сразу попрощался и ушел, оставив ее одну в постели, ведь это ее постель, это вообще святое, и Маркусу даже не пришлось намекать. В остальном Маркус – увы, не то. Но о чем тут сожалеть, все нормально и тоже по-своему радость, ведь Катя в поиске, и это прекрасно, впереди столько новых встреч, новых опытов, новых открытий себя и других. Познание и еще раз познание. Волшебная перспектива на много лет вперед. Маркус, наверно, тоже счастлив, что его такое ждет. А если не вполне счастлив – надо просто сказать ему об этом, и он, конечно, поймет.

За завтраком, наслаждаясь каждым кусочком вкуснейшей и натуральнейшей синтетики, Катя подумала, что из Маркуса получится замечательный друг. Как повезло. Да она вообще везучая. И Маркус тоже, и все ее земляки. Миллиарды прозябают на перегруженной Земле, где посчитан каждый ватт, и надо идти к счастью, толкаясь локтями, а то и по головам живых людей – бр-р... а Катя появилась на свет в Бочке и потребляет ее колоссальные ресурсы по праву рождения. Ну так она и работает здесь! Трудится! И какая же радость эта ее работа, какая огромная польза для всего человечества. Кате есть чем гордиться.

Она накинула легкое платьице, обманчиво скромное, из тех коварных нарядов, которые чуть-чуть, самую малость маскируют природное совершенство фигуры, а на самом деле заставляют вглядываться и восхищаться, – и вприпрыжку побежала из дома. Хотелось обнять весь мир и прокричать ему: ты прекрасен! И я прекрасна! И все прекрасно!

Улица, застроенная маленькими опрятными домиками, радующими глаз, была свежа и чиста. Впереди загибался вверх зеленый горизонт. Другая сторона Бочки-Восемь была не видна из-за искусственного солнца, но Катя все равно задрала голову и мысленно послала антиподам луч счастья и радости. У нее там полно знакомых, и все прекрасные ребята. Надо будет смотаться туда на выходных.

Или поддаться на уговоры соседки Мэри, взять пару недель отпуска и закатиться к соседям, на Бочку-Девять, где непрерывный карнавал, фонтан веселья и любви. «Мечта-9» – секторальный центр психологической разгрузки и похож не на космическую станцию, а на эротическую фантазию безнадежного романтика: все только и думают, что про любовь, говорят о ней, признаются в ней и предаются ей без передышки. Секс на Бочке-Девять легкий, радостный, но такой неумемный и всепроникающий, что становится навязчив. Катя там была уже и потом неделю вспоминать о сексе не хотела: он ей повсюду мерещился. Даже в глазах Мэри, когда та глядела на нее.

В одном Мэри права: на Бочке-Девять всегда новые лица, да какие – потрясающие люди, сильные и непосредственные, грубоватые, но в том особый шарм, ведь они первопроходцы, старатели космоса. У нас таких не встретишь, им тут нечем заняться. Нашей станции уже сто лет, она выросла из рабочего поселка при горно-обогательном комбинате, здесь не бывает авралов и приключений – и в этом свой глубокий смысл. Мы отвечаем за стабильность гигантского автоматического производства, рядом с которым висит в пространстве наша Бочка. Нам есть чем гордиться и чему радоваться. Не каждому по плечу день за днем и год за годом делать так, чтобы ничего не случилось, – и оставаться счастливым.

А девятая – молодая станция на границе сектора, который сейчас в процессе освоения, и там, как в старину, живые люди рискуют собой. Они уходят в опасные рейсы совсем близко к Поясу, управляя стаями дронов-разведчиков. Это такая крутая и творческая работа, что дух захватывает. И задача Бочки-Девять помимо жизнеобеспечения, снабжения и так далее – психологическая разгрузка усталых астронавтов, переживших стресс. Круглые сутки там увлекательно, зажигательно, шумно и временами даже буйно. Все друг в друга влюблены и развлекаются, словно в последний раз. Эта всеобщая экзальтация чуть-чуть настораживает; а с другой стороны, что плохого, если люди счастливы, если у них горят глаза и они готовы к приключению в любой момент. Катя не хотела бы жить в Бочке-Девять. Но иногда слетать туда и слегка поприключаться с интересными людьми – намного веселее, чем на скучную и кичливую музейную Землю, где кожей ощущаешь, как там мало ресурсов и не хватает на всех. Когда не хватает на всех, это грустно. А человек не должен грустить.

В Бочках всего хватает, потому что энергии в избытке. Каждая Бочка снаружи покрыта солнечными панелями, добывая минимум киловатт с квадратного метра. А в Поясе уйма минералов, при переработке которых побочные продукты – кислород и вода. Говорят, у нас еда только синтетическая, а вы ее пробовали? На Земле такой нет. У нас тут все синтетическое и все лучшее в обитаемой Вселенной. Мы растим пищу на основе натуральных клеток, и она выходит живее, чем самая живая. Полезнее, вкуснее, приятнее. Наша водопроводная вода покажется землянам эликсиром бодрости, а уличный воздух – эликсиром блаженства. Потому что у нас есть электричество. Можно сказать, мы едим чистое электричество, дышим электричеством, купаемся в нем – и какой же это восторг. Главное слово – «чистое». На станциях все чистое. И жизнь – чистая радость...

Катя летела по улице молодым быстрым шагом – свободным, размашистым, полезным для тонуса, – улыбаясь встречным лицам и предвкушая, как она сегодня хорошо поработает. Чирлидер пассажирского шлюза – должность в основном контрольная, как и большинство на станции: наблюдай и не мешай. Если честно, она не столько на случай, когда автоматика засбоит – у нас все приводные маяки, причальные мишени и механизмы стыковки дублированы, – сколько для радости. Девяносто процентов рабочего времени чирлидер сидит и наслаждается осмысленной трудовой деятельностью на пользу общества. Но еще десять, и они главные, самые ответственные, – он несет радость людям. Когда к Бочке-Восемь причаливает не робот, а настоящий планетолет с экипажем, астронавтов должен принять на борту станции такой же, как они, живой человек. Добрый, теплый, светлый, гостеприимный. Лицо «Мечты-8», лицо мечты о счастье и лучшем будущем для всего человечества. Сегодня именно

такой прекрасный день – ожидается маленький русский кораблик, истомившиеся в тесноте астронавты сойдут на станцию, и Катя их встретит... Пока не знает как. Возможно, просто улыбнется, и они все поймут.

Да, именно так. Простенько и со вкусом.

Строгое и функциональное здание космопорта стояло в центре восхитительного лесопарка, тщательно и продуманно запущенного, натурального до дрожи. По веткам прыгали белки. Когда-то Катя нарочно пыталась здесь заблудиться, уйдя по грибы, но всегда, радостно хохоча, выскакивала с полной корзинкой в жилые кварталы. Она обожала свою работу еще из-за места: второго такого не найти во всей Бочке, даже на другой стороне, где действительно большой сосновый лес с реками и водопадами. И сам космопорт был чудесен. Невозможно поверить, что под этим стеклянным кубиком в стиле баухаус посреди лесной лужайки – двадцать этажей сложной машинерии, а еще ниже обшивка станции и открытый космос.

Порт словно вымер, но это понятно, здесь мало персонала, и все заняты, держат руку на пульсе грузовых перевозок. Никого не встретив по дороге, Катя прошла в кабинет, остановилась перед ростовым зеркалом, придирчиво оценила свой внешний вид и нашла его превосходным. Села в удобное кресло, нарочно поерзала, чтобы лишний раз насладиться его уютом, пробежалась взглядом по трехмерной схеме шлюза – все отлично, все готово – и почувствовала себя человеком на своем месте. Вау! Красота. Жизнь, в общем, только начинается, а уже удалась. Везучая ты, Катя.

Какой восторг: на работе как дома. Так, что у нас... Корвет МЧС России «АПК-10», стыковка, перегрузка контейнера... и что они забирают, а не все ли равно, какие-то числовые коды, лень смотреть, да и не мое это дело... и двое сходят с борта, чтобы подписать документы у Генерального диспетчера. Через два с половиной часа они будут здесь – капитан Андрей Баженов и бортмеханик Герман Германн. Прекрасно. Работаем.

– Маркус? Ой, Маркус! Привет!

Маркус был одет в ослепительно-белый рабочий комбинезон садовника и смотрелся очень неплохо, только как-то скованно. И глядел странно. В руках он держал пучок фиалок. Скромная привилегия контролеров-наблюдателей паркового оборудования: техника срезает лишние цветы, а садовники подбирают и раздают на улицах. Идет такой весь в белом и дарит букеты, а люди тают от счастья. Замечательная профессия. Катя, в общем, к цветам привыкла; сколько он ей носил, не сосчитаешь; и радуга в ее садике – это заслуга Маркуса; так умело нарисовать схему для робота-садовника может только человек-садовник... Но все равно очень приятно.

– Как мило с твоей стороны. – Катя взяла фиалки, пахли они волшебным. – Слушай, Маркус, я хотела тебе сказать потрясающую вещь!

– Весь внимание, – буркнул Маркус, краснея.

– Мне кажется... – начала Катя с воодушевлением. – То, что было у нас прошлой ночью, это начало долгой и восхитительной дружбы. Прекрасной дружбы на всю жизнь. Ты замечательный. Будем друзьями!

Она протянула ему руку с букетом, звонко рассмеялась своей милой неловкости – ну очаровательно же, просто очаровательно, лучше не придумаешь, – и положила фиалки на стол. Протянула руку снова, уже серьезно. Руку дружбы.

Маркус стоял, забавно моргая.

– Я всегда к твоим услугам! – сказала Катя.

– М-да... – протянул Маркус, глядя под ноги. – Конечно.

– Мы же друзья! – сказала Катя и на всякий случай трянула рукой, чтобы этот остолоп ее заметил.

– Конечно, – повторил Маркус. – Друзья. А давай ты мне сейчас отсосешь по-быстрому.

– Прости?... – Катя подумала, что ослышалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.